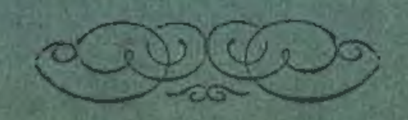
ДѢЙСТВІЯ СУВОРОВА

ВЪ ТУРЦІИ.

въ 1773 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

ДѢЙСТВІЯ СУВОРОВА

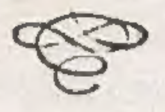
ВЪ ТУРЦІИ,

въ 1773 году.

составилъ

Генеральнаго Штаба

подполковникъ Саковичъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи К. Крайя.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 28 сентября 1853 года.

Цензоръ *Н. Ахматовъ*

Военный Журналъ 1853, № 4 и 5.

ДѢЙСТВІЯ СУВОРОВА ВЪ ТУРЦІИ, ВЪ 1773 ГОДУ.

Мысли объ Александрѣ Васильевичѣ Суворовѣ. Обзоръ начальныхъ дѣйствій второй дивизіи въ Валахіи въ 1773 году. — Описаніе дѣйствій Суворова въ ночныя экспедиціи на г. Туртукай съ 9-го на 10-ое мая и съ 17-го на 18-е іюня. — Разборъ сужденій біографовъ Князя Италійскаго о Туртукайскомъ донесеніи. — Послѣднее время пребыванія Суворова въ арміи Графа Румянцова Задунайскаго.

Изученіе отечественной исторіи составляетъ отличительную черту нашего времени. — Направленіе это высказалось въ Литературѣ—изданіемъ многихъ историческихъ матеріаловъ, въ дѣйствіяхъ правительства—учрежденіемъ Археологическихъ обществъ, временныхъ коммисій, открытіемъ архивовъ и возобновленіемъ памятниковъ минувшей жизни Русскаго Государства. — Кіевъ, въ семъ случаѣ, можетъ служить представителемъ того попеченія, которое, благополучно царствую-

щій нашъ Великій Государь прилагаетъ къ открытію и возобновленію памятниковъ Русской старины. — Въ послѣдніе двадцат лѣтъ, въ Кіевѣ открыты изъ подъ земли: остатки золотыхъ воротъ Ярослава, фундаментъ Церкви св. Ирины, воздвигнута изъ развалинъ Десятинная Церковь, и возстановлена византійская живопись въ Софійскомъ соборѣ, а самый соборъ приведенъ, по мѣрѣ возможности, въ тотъ видъ какъ онъ былъ при Ярославлѣ.

Въ паралель съ этими свидѣтелями Археологической дѣятельности идутъ труды и по собиранію историческихъ матеріаловъ. По Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ слѣдствіе представленія Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, нынѣ Министра Внутреннихъ дѣлъ, Генералъ-Адъютанта Дмитрія Гавриловича Бибикова, въ Кіевѣ учреждена Коммисія для разбора древнихъ Актовъ. — Коммисія эта, напечатавъ уже нѣсколько томовъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссійскихъ областей, имѣла случай открыть, что въ г. Черниговѣ, при Губернскомъ Архивѣ, находится Архивъ Военно-Походной Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго.— Архивъ этотъ, ходатайствомъ Генералъ-Адъютанта Бибикова и иждивеніемъ Предсѣдателя Коммисіи Г. Судіенки, доставленъ въ Кіевъ, въ концѣ 1851 года, и вслѣдъ затѣмъ, подвергнутъ разбору.

Въ числѣ матеріаловъ, найденныхъ въ этомъ Архивѣ, весьма любопытны тѣ, которые относятся къ Суворову. Имя это для Русскаго человѣка столь замѣчательно, что мало найдется въ Государствѣ людей, которымъ не было бы извѣстно что нибудь изъ жизни и личности великаго соотечественника. Преданія о Су-

ворове живо сохранены и съ благоговѣніемъ передаются потомству.—Онъ жилъ въ славное время Екатерининскаго вѣка, когда въ сотрудникахъ, содѣйствовавшихъ мудрой Государынѣ на поприщѣ къ величію и славѣ Россіи, не бывало недочета. Имена ихъ сливаются со всемірною Исторіею; но плоды трудовъ и дѣятельности ихъ принадлежатъ намъ, упрочили благо отечества, нашу народную славу. Какъ представители Русской силы и Русскаго Генія, какъ орудія самодержавія, какъ виновники развитія могущества и расширенія предѣловъ Государства, они живутъ въ памяти признательнаго потомства. — Румянцевы, Потемкины, Рѣпнины, Орловы, Бецкіе, Суворовы, на разныхъ путяхъ служенія Престолу и отечеству, оставили намъ въ завѣтъ, образецъ высокихъ гражданскихъ и военныхъ добродѣтелей, и какъ Русскіе, пробудили въ насъ сознаніе силъ и достоинствъ предъ иноплеменниками.

Долгъ исторіи — оцѣнить сторону Государственной дѣятельности каждаго изъ сотрудниковъ Великой Государыни; долгъ каждаго Русскаго—изучать отечественную исторію, и счастливъ тотъ, кто имѣетъ возможность знакомить своихъ соотечественниковъ съ славными событіями и великими мужами минувшей жизни Россіи.

Вотъ идея которая руководила при составленіи предлагаемой статьи; побужденіемъ же къ составленію ея, было желаніе, по найденнымъ, при разборѣ Архива Военно-Походной Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго, матеріяламъ, представить въ истинномъ видѣ и въ подробности экспедиціи Александра Васильевича Суворова на городъ Туртукай въ 1773 году.

Но прежде нежели перейдемъ къ настоящему предмету нашихъ изслѣдованій не можемъ не высказать здѣсь нѣ-

которыхъ мыслей о Суворовѣ.—Личность, образъ жизни, характеръ, самыя странности этаго великаго человѣка намъ болѣе или менѣе извѣстны изъ его біографій; но многое ли мы знаемъ объ отношеніяхъ Суворова къ обществу, о его вліяніи на современниковъ, объ идеяхъ занятыхъ имъ въ своемъ времени, развитыхъ плодами собственнаго ума и наблюдательности и переданныхъ потомству. Изслѣдованъ ли и представленъ въ настоящемъ свѣтѣ этотъ Геній по его вліянію на окружавшихъ, на войска и на народъ, отъ котораго онъ не отрывалъ себя ни на одинъ мигъ во всю свою жизнь? Объяснены ли, должнымъ образомъ, его странности, неимѣвшія другой цѣли, какъ учить Русской народъ и порицать то, что̀ къ нашему быту привито было иноземцами и подражательностію? Исчислены ли заслуги Суворова, какъ стража нашей національности, бросившаго обильныя сѣмена для послѣдовавшей вскорѣ послѣ него реакціи въ образѣ жизни, идеяхъ, нравахъ и воспитаніи нашего высшаго общества? Мы знаемъ, какъ высказывалъ онъ въ лицо горькія истины, видимъ его мистификацію въ обращеніи, но разъяснилъ ли намъ хотя одинъ Біографъ—отъ какихъ причинъ и обстоятельствъ характеръ и личность Суворова вылились въ особую форму, казавшуюся комическою для однихъ, назидательною для другихъ и загадочною для насъ?

Явленіе Суворова навсегда останется проблемою, если не согласиться съ тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ орудіе промысла, для блага общаго, для пользы отечества.—Самъ онъ, заключая свое земное странствованіе, сказалъ: «семьдесятъ лѣтъ гонялся я за славою — все мечта; покой души—у престола Всевышняго».

Вѣкъ Екатерины, вѣкъ великихъ людей; но Суворовъ, колосальностію своего имени и народностію, выше всѣхъ своихъ современниковъ, хотя заслуги Потемкина, Румянцева и другихъ, матеріальными результатами, принесли государству несравненно болѣе пользы, нежели подвиги Суворова. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ примежевываетъ цѣлый край къ Россіи; другой, оканчивая войну, предаетъ судьбу Турціи въ руки Россіи. Суворовъ, хотя и участникъ всѣхъ важнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II, почти не былъ ни разу поставленъ въ положеніе подобное другимъ. — Его войны въ Польшѣ, Турціи, Италіи и Швейцаріи сопровождались ничтожными матеріальными выгодами. Не смотря однако на то, предъ именемъ Суворова меркнутъ остальныя знаменитости вѣка Екатерины; оно хранимо народомъ; имена прочихъ только внесены въ исторію!

Пріобрѣтеніе любви народной, составляя отличіе Суворова отъ другихъ его современниковъ, не такъ было легко, какъ можетъ показаться съ перваго разу. — Путь избранный имъ мало представлялъ завлекательнаго, и потому никто не вызвался на соперничество съ Суворовымъ. Надобно было имѣть твердость характера и силу воли его, что бы, вступивъ на оный, пройти до конца, презирая богатство, роскошь, лесть и весь блескъ наружнаго величія вельможи. — Суворовъ отразилъ въ себѣ всѣ добрыя качества нашего народа и снискалъ признательность въ сердцѣ Русскаго человѣка, въ то время, какъ другіе, окруживъ себя иною средою, остались или вовсе неузнанными, или мало извѣстными.

Понимать Суворова, какъ стража нашей народности—

и утѣшительно—и справедливо! Къ убѣжденію въ этомъ придетъ каждый; для этого стоитъ только вникнуть въ духъ того времени, нравы и послѣдовавшую за тѣмъ реакцію въ быту нашего высшаго общества. — Революція уже была въ полномъ разгарѣ.—Волканъ ея извергъ сто-тысячныя арміи въ Европу.—Наблюдательные умы современниковъ столь сильно были поражены всѣми сценами революціи, что ничего не могли сказать опредѣлительнаго объ историческомъ смыслѣ и послѣдствіяхъ ея. Такъ, Гиббонъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Е. Р. Дашковой, говоритъ: «революція небывалое событіе въ исторіи, и при всѣхъ усиліяхъ мысли нельзя опредѣлить—чѣмъ она кончится» Такъ судили въ Европѣ, и таково было мнѣніе Екатерины II. Послушаемъ теперь современника этой эпохи С. Н. Глинки, адъютанта князя Ю. В. Долгорукова. Въ Москвѣ, говоритъ онъ, всѣ предавались разсѣянности, и о томъ, что происходило въ Европѣ, едва знали по наслышкѣ; въ домѣ князя Долгорукова никогда и никто не слыхалъ имени того, который 15 лѣтъ спустя ввелъ въ нашу столицу 20 народовъ. — Наполеонъ озабочивалъ одного Суворова, не разъ говорившаго Императрицѣ: «Матушка—пусти меня противъ Французовъ». Далѣе, не менѣе надобно удивляться и тому, въ какомъ глубокомъ усыпленіи была у нѣкоторыхъ, въ то время, любовь къ отечественной исторіи.—Едва вѣрится разсказу того же лица, когда, по увольненіи отъ службы князя Долгорукова, Глинка отправился въ свой баталіонъ, стоявшій лагеремъ въ Петербургѣ.—Тамъ онъ нашелъ въ офицерахъ людей умныхъ и образованныхъ; но объ Суворовѣ они едва знали, и въ лагерѣ имя Героя Италійскаго безмолвствовало!....

Суворовъ, въ своей жизни, испыталъ туже участь, которая суждена въ удѣлъ многимъ великимъ людямъ. Его безъ разбора поносили невѣждою, счастливцемъ, Аттилою... Люди, порицавшіе его имя такъ немилосердно, не замѣтили сами, что они этимъ отдали должную похвалу уму и дѣяніямъ нашего полководца. — Они раздирали имя Суворова, потому только, что сужденіями ихъ руководило не безпристрастіе исторіи, а злоба раздраженнаго общества. Суворовъ въ первый разъ явился на военномъ поприщѣ, въ званіи уже самостоятельнаго начальника, въ Конфедератскую войну, среди края взволнованнаго политическимъ бредомъ, въ обществѣ, раздѣленномъ на партіи, терзавшемъ другъ друга и ненавидѣвшемъ имя Русское. Тамъ онъ конечно, какъ непріятель, и какъ Русскій человѣкъ, съ умомъ здравымъ, съ правилами твердыми и вѣрными, шелъ прямо къ указанной ему цѣли, опрокидывая и стирая съ лица земли все, чтó думало противиться и оспаривать у него первенство Русскаго оружія. — Самый образъ дѣйствій Суворова противъ Конфедератовъ оскорблялъ ихъ самолюбіе; имъ казалось, что онъ, изъ презрѣнія къ ихъ войскамъ, не хотѣлъ даже слѣдовать обыкновеннымъ правиламъ тогдашней тактики (*).

Съ театра войны въ Польшѣ Суворовъ перешелъ на берега Дуная; тамъ онъ могъ встрѣтить достойнаго

(*) Кому не случалось слышать сужденіе нѣкоторыхъ Поляковъ о Суворовѣ, перешедшее въ преданіе. Говоря о немъ, они выражались, что Суворовъ не имѣлъ понятія о войнѣ, ему бы только драться съ медвѣдями. — Бывало займешъ позицію, ждешъ Русскихъ съ фронта, а онъ бросается на насъ либо съ тылу, либо во флангъ; мы разбѣгались болѣе отъ страха и внезапности, нежели отъ пораженія

себѣ соперника въ Вейсманѣ. Но судьба расположила жребіемъ ихъ различно: на чемъ одинъ остановился, съ того другой началъ. Оба одинаково проницательные, равно отважные и непобѣдимые, справедливо судили, что моральное превосходство дисциплинированныхъ войскъ должно было доставить имъ перевѣсъ надъ нестройными толпами, и что отступленіе, составляющее труднѣйшій маневръ для Европейской арміи, должно быть гибельно для Турецкихъ массъ, по недостатку правильности въ ихъ движеніяхъ. Переходъ отъ подобнаго сужденія къ заключенію, что атака есть лучшій образъ дѣйствій противъ Турокъ, не былъ труденъ для Суворова. И дѣйствительно, съ перваго дѣла подъ Туртукаемъ, въ обѣ Турецкія войны, Суворовъ постоянно дѣйствовалъ наступательно.

Въ продолженіе кампаній 1773 и 1774 годовъ, Суворовъ не упускалъ случая обнаружить свои военныя способности и искусство, но не смотря на то, недавнее прибытіе къ арміи и молодость его службы, сравнительно съ другими генералами Румянцевской арміи, немалымъ были ему препятствіемъ къ отличіямъ. Но тѣ дѣйствія Суворова, которыя поставили имя его столь высоко въ общемъ мнѣніи Россіи и всей Европы, а именно сраженія при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятіе Измаила, — принадлежатъ ко второй войнѣ съ Турціею, съ 1787 до 1791 года.

Въ 1794 году, Суворовъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, покорилъ Польшу. Имя Суворова произносилось въ Западной Европѣ едва не съ крестнымъ знаменіемъ.

Отдавши справедливость тѣмъ иноземцамъ, сужденія которыхъ объ Александрѣ Васильевичѣ отличаются безпристрастіемъ и вѣрностію, назовемъ его съ гордо-

стію великимъ человѣкомъ, честію націи, ревностнѣйшимъ поборникомъ славы имени Русскаго; прибавимъ: что и въ послѣднія минуты угасающей жизни, мысли его обращены были къ любезному отечеству. Изучивъ тщательно тогдашнее состояніе нашего общества, и привившійся къ намъ чуждый бытъ со всѣми его пороками и пагубными началами, Суворовъ, сходя въ могилу, скорбѣлъ душею; онъ думалъ, что Россія уклонится со стези своего призванія, не достигнувъ полнаго развитія силъ и того могущества, которое для нее въ будущности назначено Промысломъ.

Нужно ли говорить о Суворовѣ, какъ о полководцѣ? Вопросъ этотъ уже давно рѣшенъ Исторіею и знатоками военнаго дѣла! Кто ни разу не былъ побѣжденъ на столь разнообразныхъ театрахъ войны, — кто могъ торжествовать надъ столькими искусными противниками, находя всѣ средства къ тому въ самомъ себѣ, тому, безъ сомнѣнія, судъ потомства не смѣетъ отказать въ званіи великаго полководца.

Заслуги Суворова, какъ примѣрнаго сына Россіи и полководца, составляютъ едвали только не половину его обширной тридцати двухъ лѣтней дѣятельности. Другая половина служебнаго его поприща, къ сожалѣнію, еще весьма мало изслѣдованная, должна обнять систему командованія Арміею, духъ военныхъ учрежденій, характеръ быта войскъ, воинскую дисциплину, и проч: которые Суворовымъ были преобразованы въ самомъ ихъ основаніи.

Причина — почему онъ еще не оцѣненъ надлежащимъ образомъ, со стороны административной, заключается въ томъ, что до насъ дошли лишъ немногіе документы, относящіеся до управленія и командованія

нимъ арміями. Въ то время, многія части военнаго управленія не имѣли такого полнаго развитія въ законахъ какъ нынѣ; многое было въ исполненіи, но не существовало въ законѣ. Графъ Румянцевъ, имѣвшій случай, въ Семилѣтнюю войну, изучить многое, едва ли не первый началъ вводить опредѣлительные уставы, и заботиться объ однообразіи въ обученіи войскъ и отправленіи ими обязанностей Полевой и Гарнизонной службы. Подтвержденіемъ тому служить могутъ найденные, при разборѣ архива его военно-походной канцеляріи, нѣкоторые отрывки устава о лагерной службѣ, разосланные отъ него въ Армію, и предписанія начальникамъ дивизій объ однообразіи обученія и экзерциціи. Можетъ быть, со временемъ, когда откроются гдѣ нибудь архивы дѣламъ за время командованія войсками княземъ Италійскимъ, * мы пріобрѣтемъ многія данныя, чтобы объяснить значеніе Суворова въ нашей военной администраціи, какъ преобразователя внутренняго быта и духа войскъ.

Преданіе сохранило для насъ тѣ немногія краткія правила тактики и уставовъ, которыя у Суворова читались войскамъ послѣ каждаго развода и ученья. По нимъ мы можемъ догадываться, что, въ то время, уже была твердая система полеваго устава, но понять вполнѣ механизмъ маневровъ и ученій Суворовскихъ войскъ— становится для насъ невозможнымъ. Самая сжатость изложенія правилъ и командъ дѣлаетъ ихъ невразумительными. Читая оныя, кажется слышитъ трескотню

* Сколько извѣстно, подобные архивы находятся еще не открытыми въ городѣ Дубно, въ тамошнемъ Католическомъ монастырѣ, и въ Ордонансъгаузахъ городовъ Херсона и Кременчуга.

боя, видишь работу Суворовскаго чудо-богатыря, но все остальное для насъ темно—загадочно.

До какой степени многое измѣнилъ въ нашей Арміи Суворовъ, можемъ судить по сравненіямъ, и при этомъ, кто не согласится что Армія Русская и въ Италійскій походъ 1799 года подходила ближе, по свойствамъ ея, духу и тактикѣ, къ Арміи нашего времени, нежели къ Арміи Румянцева. Обращая вниманіе на кампаніи въ 1773-мъ и 1774 годахъ, видимъ, что тогдашнія движенія нашихъ армій были большею частію медленны. За немногими исключеніями, какъ напримѣръ дѣйствій Генералъ-Маіора Вейсмана, войска наши дѣлали переходы иногда не болѣе 8-ми верстъ въ сутки; приказанія Главнокомандующаго приводились въ исполненіе вяло и не всегда точно: примѣръ тому подаетъ самъ Суворовъ въ 1774 году уклоняющійся отъ соединенія съ Каменскимъ, и уѣзжающій безъ позволенія съ своего поста, въ то время, когда ему приказано было дѣйствовать противъ непріятеля. Графъ Салтыковъ смѣло высказываетъ Румянцеву, что онъ не признаетъ никакой пользы въ дѣйствіяхъ на правой сторонѣ Дуная, и, не смотря на многократныя его приказанія, не переходитъ черезъ рѣку. Князь Долгоруковъ отказывается итти къ Шумлѣ и возвращается за Дунай, также вопреки приказанію Главнокомандующаго. Подобныхъ примѣровъ не мало. Напротивъ того, Армія Суворова въ Италіи отличается примѣрною быстротою; распоряженія Главнокомандующаго исполняются повсюду точно и скоро. За арміею уже не тянутся ряды огромныхъ обозовъ, для уменьшенія которыхъ въ 1773 году, при переправѣ черезъ Дунай, Румянцевъ намѣренъ былъ подать при-

мѣръ надъ своими собственными экипажами. Больные у Суворова не ослабляютъ рядовъ, и болѣе боятся гошпиталя, нежели болѣзни и непріятеля. Рекруты обучены скоро, сбережены въ силахъ, и въ бою не уступаютъ старымъ солдатамъ. При поискахъ Суворова на Туртукай, видно употребленіе стрѣлковъ и колоннъ, а потому можно безошибочно замѣтить, что примѣненіе разсыпнаго строя и колоннъ къ дѣйствіямъ войскъ есть дѣло соображеній и военнаго генія Суворова, а не изобрѣтательности Французской. Вообще въ Италіи Русскія войска дѣйствуютъ по Французской тактикѣ; но учить армію въ виду непріятеля Суворовъ не могъ, и приготовилъ къ тому войска заблаговременно. Въ Швейцаріи Армія Суворова дѣйствовала какъ на давно знакомомъ театрѣ войны; твердость и настойчивость въ исполненіи распоряженій Главнокомандующаго (качества войскъ опытныхъ въ горной войнѣ), не только не были чужды Арміи Суворова, но превзошли ожиданія современниковъ и изумили Европу. Всего же болѣе замѣчательна для насъ должна быть дисциплина въ войскахъ Суворова. Уставъ Петра Великаго, сообразный духу своего времени, и долгое время имѣвшій силу закона въ нашихъ войскахъ, хотя и съ послабленіемъ, проникнутъ всюду мыслію, что дисциплина, въ томъ смыслѣ какъ её понимаемъ нынѣ, т: е: совокупное дѣйствіе военныхъ постановленій, приводящихъ каждаго къ покорности, порядку и исполненію обязанностей, должна быть водворяема и охраняема строгою системою наказаній. Суворовъ, наблюдая, чтобы каждый въ его арміи занималъ постъ по достоинству, съ пользою службѣ, преградилъ тѣмъ доступъ интригѣ и бездарности и открылъ честолюбію и усердію служащихъ просторъ до-

стигать высшихъ званій соревнованіемъ въ исполненіи обязанностей.

Не менѣе замѣчательна система воспитанія и сбереженія войскъ, введенная Суворовымъ; но какъ эти предметы остаются по нынѣ мало изслѣдованными, то мы знаемъ лишъ нѣкоторыя изрѣченія Суворова, которыя свидѣтельствуютъ, что высшею его заботливостью было уменьшеніе убыли въ войскахъ.

Начальники, воспитанные Суворовымъ, передали его духъ и систему послѣдующему поколѣнію. Россія, двѣнадцать лѣтъ послѣ Суворова, вступила въ борьбу отчаянную; вопросъ шелъ о томъ — быть или не быть. Духъ Суворова виталъ въ рядахъ Арміи и какъ Ангелъ-хранитель чести Русскаго оружія—воспрянулъ при самомъ началѣ войны. Нужно было отступать; всѣ знали что въ военномъ словарѣ Суворова этотъ глаголъ не существовалъ; всѣмъ казалось, что отступленіе Русскаго предъ Французомъ омрачитъ память Великаго. Боясь измѣнить ему, подозрѣвали измѣну въ другихъ.... Бородино, наконецъ, примирило съ тѣнью великаго соотечественника....

Но могутъ сдѣлать вопросъ—когда и гдѣ Суворовъ трудился въ дѣлѣ образованія войскъ? На это отвѣчаемъ — вездѣ, гдѣ только находился онъ. Берега Кубани, Херсонъ, Кременчугъ, Тульчинъ и проч. были его Булонью. Приведемъ здѣсь одинъ изъ фактовъ неутомимаго его трудолюбія. Въ путешествіе Императрицы въ 1787 году въ южныя области, Суворовъ командовалъ квѣнадцати-тысячною дивизіею пѣхоты, кавалеріи и казаковъ въ Кременчугѣ, куда онъ прибылъ въ концѣ 1786 года. Въ теченіе весны слѣдующаго года, онъ обмундировалъ и обучилъ дивизію. Императри-

ца удостоила Суворова своимъ присутствіемъ при маневрахъ ея. Всѣ движенія исполнены были съ быстротою и точностію, невиданною, до того времени, въ Русскихъ войскахъ. Сопровождавшіе Императрицу иностранцы пришли въ удивленіе, а Ея Величество въ такой восторгъ, что раздала щедрыя награды всѣмъ начальствовавшимъ войсками и обратившись къ Суворову, спросила: «а васъ, генералъ, чѣмъ могу наградить?» Онъ отвѣчалъ: «прошу Ваше Императорское Величество заплатить три рубля за мою квартиру». Такой отвѣтъ Суворова изумилъ окружавшихъ Императрицу болѣе чѣмъ самые маневры.

Имя Александра Васильевича Суворова пребудетъ для Русскаго человѣка навсегда драгоцѣнно: чѣмъ болѣе будемъ изучать жизнь его, тѣмъ съ большимъ убѣжденіемъ признаемъ въ немъ стража нашей народности, величайшаго полководца и великаго администратора.

Конгресъ Букарестскій длился. Графъ Румянцевъ, предвидя развязку его, представлялъ Императрицѣ, что, по состоянію войскъ и затрудненіямъ, сопряженнымъ съ перенесеніемъ войны за Дунай, онъ не ручается за успѣхъ кампаніи 1773 года, и потому просилъ усилить армію. Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Обрѣзковъ предупредилъ Графа Румянцева имѣть войска въ готовности къ продолженію войны, въ армію еще не прибыло много рекрутъ и полки были заняты построеніемъ одежды. Таковое положеніе

арміи крайне озабочивало Главнокомандующаго. Не находя возможнымъ совершить въ будущую кампанію, съ своими небольшими силами, славныхъ подвиговъ, Графъ Румянцевъ, полагалъ, что операціи за Дунаемъ не будутъ имѣть никакой цѣли, ибо разореніе какого либо изъ турецкихъ городовъ не могло быть чувствительно для непріятеля, который въ лѣтнюю пору вездѣ могъ стать лагеремъ; а между тѣмъ, всякій поискъ намъ стоилъ бы большихъ утратъ въ людяхъ. Опасеніе при неудачѣ затмить свою славу, не мало охлаждало энергію героя Кагула къ возобновленію войны. Вотъ какъ писалъ, по сему случаю, Румянцевъ Обрѣзкову, въ письмѣ отъ 13 февраля 1773 года. «Бой вашъ политическій, въ самомъ пылу разгара, имѣетъ средство къ своему утоленію; но наши схватки кровопролитны; разъ опрокинутый ихъ тяжестію, рѣдко подымается на ноги, и раненные однимъ сраженіемъ не возникаютъ цѣлые вѣка. Битвы военныя и способы къ тому явны всей публикѣ, и слѣдовательно судъ и обвиненіе тутъ неизбѣжны; оправданіямъ едва ли бываетъ мѣсто.... но связь и пружины силъ вашихъ и ихъ дѣйствія скрываютъ кабинеты отъ всякаго проницанія для другихъ».

Охраненіе провинцій, пріобрѣтенныхъ войною предшествующихъ лѣтъ, посредствомъ расположенія 36-ти тысячной арміи на 750 верстъ по Дунаю, казалось труднымъ Графу Румянцеву. Завоеваніе сихъ областей стоило не малыхъ усилій Государству; предшествующія кампаніи упрочили славу Главнокомандующаго, и приуготовили для наступающей Арміи превосходное основаніе дѣйствій; но Румянцевъ полагалъ, что одна и таже армія не могла наблюдать на Дунаѣ и дѣйствовать наступательно. Когда же наконецъ Императрица настоятельно

повелѣла перейти Дунай, если не со всею арміею, то съ частію оной, тогда это повелѣніе поставило Главнокомандующаго въ крайнее затрудненіе. Двинуться за Дунай со всею арміею и обнажить лѣвую сторону рѣки отъ войскъ, было опасно: непріятель могъ направиться въ тылъ и лишить армію способовъ къ пополненію магазиновъ. Принять въ непосредственное свое командованіе корпусъ, и съ нимъ открыть военныя дѣйствія за Дунаемъ, не слагая званія Главнокомандующаго, значило бы поставить себя въ положеніе частнаго начальника. Поручить корпусамъ Генералъ-Поручика Графа Салтыкова и Генералъ-Маіора Потемкина, стоявшимъ на Дунаѣ противъ Шумлы, произвести нападеніе на лагерь визиря, — а Генералъ-Маіору Вейсману приказать въ то же время, сдѣлать диверсію отъ Измаила къ Базарджику, противу Абды-паши, въ облегченіе дѣйствій сихъ корпусовъ, представляло также не мало затрудненій: въ двухъ первыхъ корпусахъ, пѣхоты было не болѣе семи тысячь, а въ перевозочныхъ судахъ столь большой недостатокъ, что и это число войскъ не могло быть вдругъ переправлено на противный берегъ; притомъ, атака укрѣпленныхъ пунктовъ, Рущука и Силистріи, изъ коихъ гарнизонъ послѣдняго состоялъ изъ осьми тысячь, казалась довольно сомнительною, а для отряда Вейсмана предстояло продолжительное движеніе во внутрь страны мало извѣстной. Сверхъ того, обычай Турокъ—удаляться заблаговременно въ горы, могъ привести къ тому, что лишъ только наши войска перейдутъ Дунай, непріятель съ одною частію укроется въ Балканы, а другою усилитъ гарнизоны означенныхъ пунктовъ, и тогда овладѣніе ими могло быть куплено лишь весьма дорогою цѣною. Предположивъ даже

полный успѣхъ означенныхъ предпріятій, эти корпуса, все-таки, по малосилію ихъ, не могли остаться на правомъ берегу, но должны были перейти Дунай обратно, чѣмъ непріятель не замедлилъ бы воспользоваться; ближайшимъ послѣдствіемъ того было бы возвышеніе упавшаго духа въ Туркахъ, а впослѣдствіи соединеніе съ ними не только Татаръ, имъ постоянно преданныхъ, но и другихъ народовъ, которые навѣрно послѣдовали бы примѣру Татаръ, если не по убѣжденію, то по внушенію страха и привычкѣ къ игу. При неудачной атакѣ нашихъ войскъ на тѣ же пункты, могли произойти еще пагубнѣйшія послѣдствія: вторженіе Турокъ въ Валахію отъ Турна и Виддина, на нашемъ флангѣ, и дѣйствія, при пособіи жителей, въ тылъ нашей оборонительной линіи пролегавшей по Дунаю.

Что касается до главныхъ силъ арміи, занимавшихъ Молдавію, то онѣ не могли поспѣть на выручку своихъ войскъ—ни къ Силистріи—ни къ Рущуку, по значительному отдаленію ихъ отъ этихъ пунктовъ; вывести же ихъ изъ Молдавіи, съ цѣлію сближенія съ корпусами Потемкина и Салтыкова, нельзя было, по неимѣнію свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятеля, между тѣмъ какъ эти войска, оставаясь между Прутомъ и Серетомъ, составляли центральный резервъ для всей оборонительной линіи Дуная и своимъ положеніемъ, давали возможность парализировать дѣйствія Турокъ и лишать ихъ всякой возможности дѣйствовать съ успѣхомъ на лѣвой сторонѣ Дуная.

Таковы были мысли Румянцова насчетъ дѣйствій за Дунаемъ. Не рѣшаясь взять на свою отвѣтственность составленіе плана кампаніи, или не имѣя довѣрія къ собственнымъ своимъ средствамъ, онъ представилъ всѣ

свои предположенія на усмотрѣніе Императрицы, и, въ ожиданіи Высочайшаго соизволенія, предписалъ войскамъ производить демонстраціи вторженій за Дунай и усилить во всѣхъ корпусахъ наблюденіе за противнымъ берегомъ рѣки.

Предположивъ ознакомить читателя съ дѣйствіями генералъ-маіора Суворова, во время его экспедицій на Туртукай, въ кампанію 1773 года, я долженъ представить въ краткомъ очеркѣ операціи въ Валахіи второй дивизіи, бывшей въ командованіи генералъ-поручика графа Салтыкова, съ 8-го марта, дня прекращенія перемирія, до 11-го іюля, дня отъѣзда Александра Васильевича Суворова изъ Негоешть въ главную квартиру. Обзоръ этотъ объяснитъ причину, цѣль, исполненіе и связь отважныхъ предпріятій Суворова на Туртукай, съ общимъ ходомъ нашихъ дѣйствій на нижнемъ и верхнемъ Дунаѣ.

Въ концѣ Букарестскаго конгресса, вторая дивизія имѣла слѣдующее расположеніе: отдѣльный отрядъ генералъ-маіора Текелли занималъ Малую Валахію, имѣя главную свою квартиру въ Країовѣ; войска были расположены на квартирахъ, а Донскіе полки на кордонѣ по лѣвому берегу Дуная, отъ Австрійской границы до устья Калмацуя, на протяженіи 300 верстъ. Силы этого отряда простирались до 3-хъ тысячь, въ томъ числѣ: пѣхоты подъ ружьемъ 1740, регулярной кавалеріи на конѣ 620, и Донцевъ 870 человѣкъ. Начальникъ дивизіи, графъ Салтыковъ, а за отъѣздомъ его изъ арміи, командовавшій дивизіею до 25 марта, генералъ-маіоръ князь Трубецкой, квартировалъ въ Букарестѣ; дивизія была расположена на квартирахъ между рѣками Ольтою и Яломицею, имѣя кордонъ по Дунаю, отъ устья Калма-

цуя до р. Мостища, на протяженіи 150 верстъ. Силы дивизіи, со включеніемъ отряда генералъ-маіора Текелли и всѣхъ гарнизоновъ въ Валахіи, простирались до 17,000. Въ томъ числѣ считалось: въ семи регулярныхъ кавалерійскихъ полкахъ на конѣ 3,510; въ десяти пѣхотныхъ полкахъ подъ ружьемъ 6,500; въ пяти Донскихъ и одномъ новонабранномъ полку 2,500, и Арнаутъ 500 человѣкъ. Крѣпость Турно находилась во власти Турокъ, а потому лѣвый берегъ Ольты при устьѣ ея и Дунай ниже Турна, не были подъ наблюденіемъ нашего кордона.

Независимо отъ войскъ второй дивизіи, внизъ по Дунаю, отъ р. Мостища до р. Серета, стоялъ корпусъ генералъ-маіора (произведеннаго вскорѣ въ генералъ-поручики) Потемкина, имѣя квартиру въ Никорештахъ противъ Силистріи. Кордонъ его стоялъ по Дунаю между означенными рѣками на 200 верстъ. Сила корпуса, со включеніемъ Браиловскаго гарнизона, состояла въ 10,000, и въ томъ числѣ было: пѣхоты подъ ружьемъ въ шести полкахъ и одномъ егерскомъ баталіонѣ 4,200; кавалеріи въ пяти регулярныхъ полкахъ на конѣ 2,000, одинъ Донской полкъ и 2,000 Запорожцевъ. Въ этомъ исчисленіи силъ включены и рекруты. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, соприкасаясь своимъ правымъ флангомъ со второю дивизіею Негоештскимъ постомъ, находился въ сношеніяхъ съ командиромъ сего поста и съ начальникомъ второй дивизіи. Комендантъ Браиловской крѣпости, непосредственному наблюденію котораго поручено было теченіе Дуная между р. Яломицею и Серетомъ, былъ подчиненъ генералу Потемкину.

Во время перемирія, начальники означенныхъ корпусовъ занимались обмундированіемъ войскъ, обученіемъ

присланныхъ въ армію рекрутъ и развѣдываніемъ о состояніи непріятеля, владѣвшаго правымъ берегомъ Дуная, о всѣхъ измѣненіяхъ въ силѣ и положеніи его, и о томъ, гдѣ и для чего годныя имѣлись у Турокъ суда. Кромѣ того, генералъ-маіору Текелли поручено было отъ фельдмаршала узнать о расположеніи къ намъ жителей Сербіи, и о готовности ихъ дѣйствовать съ нами противъ враговъ и утѣснителей христіанства. Небыло такъ же упущено изъ виду собраніе свѣдѣній о томъ— сколько Сербія можетъ выставить войска, и въ какомъ размѣрѣ можно расчитывать арміи на способы края. Въ февралѣ, главнокомандующій приказавъ войскамъ изготовиться къ движенію за Дунай, сообщилъ князю Трубецкому и генералу Текелли основныя предположенія свои на счетъ предстоявшихъ дѣйствій второй дивизіи, и потребовалъ отъ нихъ объясненія—какъ они намѣрены, по соглашенію между собою, привести ихъ въ исполненіе.

Мысли графа Румянцова заключались въ слѣдующемъ: войска дѣйствующія въ Валахіи и Банатѣ привлекаютъ на себя непріятеля, съ тою цѣлью, чтобы способствовать дѣйствіямъ другихъ частей арміи; для этого—кромѣ демонстрацій, дозволяется имъ производить дѣйствительные поиски на противную сторону. На усмотрѣніе начальствующихъ предоставлялось переходить Дунай, или избирать позиціи въ отдаленіи отъ берега; въ послѣднемъ случаѣ, они обязаны были не возбранять непріятелю переходъ чрезъ рѣку, но отрѣзывать его при обратномъ движеніи. Избраніе постовъ для поисковъ надъ непріятелемъ, и самыя мѣры къ исполненію, возлагались на искусство, благоразуміе и взаимное согласіе начальниковъ; но было подтверждено, чтобы они, при

дѣйствіяхъ своихъ, старались отвлекать вниманіе непріятеля на другіе пункты ихъ расположенія и не подвергали опасности—ни собственныхъ своихъ сообщеній, ни путей ведущихъ къ Дунаю отъ Букареста и Слатина, гдѣ были устроены гошпитали, рекрутскія депо, магазины и разные запасы, и наконецъ, что бы они недопускали непріятеля проникать въ занимаемыя ими провинціи; охраненіе Валахіи и Баната вообще поставлено было главнымъ предметомъ дѣйствій для второй дивизіи.

Представленныя затѣмъ предположенія князя Трубецкаго главнокомандующему состояли въ слѣдующемъ: на всемъ пространствѣ теченія Дуная, находящемся подъ наблюденіемъ кордона отъ войскъ второй дивизіи, важнѣйшимъ Турецкимъ постомъ почиталъ онъ крѣпость Рущукъ, а за нею, по относительной важности, посты: Фиштовскій, Туртукайскій, крѣпость Турно и противъ нея г. Никополь. По прекращеніи перемирія, ежели не воспрепятствуетъ суровость времени и съ нимъ недостатокъ въ подножномъ кормѣ, генералъ-маіору Текелли съ корпусомъ перейти на лѣвую сторону р. Ольты, придвинуться къ крѣпости Турно и показывать непріятелю намѣреніе овладѣть этою крѣпостію; въ тоже время, другому отряду предпринять дѣйствительный поискъ на Туртукай, если только генералъ Потемкинъ отдѣлитъ часть своей флотиліи изъ Ликорешть въ устье р. Аржиша. Самъ же князь полагалъ приблизиться съ прочими полками дивизіи къ крѣпости Журжѣ, посадить въ Капобаронешти, на имѣвшіяся при той крѣпости суда, 2,000 пѣхоты съ орудіями, сдѣлать съ этимъ отрядомъ нападеніе на Рущукъ, и при успѣхѣ, распространить свои дѣйствія на Фиштовъ, Никополь и

Турно. Употребить болѣе 2,000 пѣхоты для означенной экспедиціи князь Трубецкой не находилъ возможнымъ, по недостатку судовъ, и потому еще, что остальныя войска предназначались на охраненіе лѣваго берега Дуная и на поддержаніе отряда въ случаѣ ретирады.

Съ своей стороны, генералъ-маіоръ Текелли, не признавая возможнымъ заградить непріятелю доступъ въ Банатъ, съ своимъ небольшимъ корпусомъ, на протяженіи 300 верстъ, полагалъ Дунай въ Банатѣ не переходить; а для сближенія съ дивизіею избрать позицію за р. Ольтою при Рушведе, но вступить въ оную, по причинѣ недостатка въ фуражѣ за Ольтою, онъ предполагалъ не прежде, какъ съ появленіемъ подножнаго корма; а до того времени остаться въ Банатѣ, обезпечить свое сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ Ольты занятіемъ Слатина и охраненіемъ тамошней переправы, стянуть войска къ Краіову, направляться оттуда къ тѣмъ пунктамъ кордона, которымъ стала бы угрожать опасность, отрѣзывать отъ Дуная вторгнувшіяся партіи Турокъ, и истреблять ихъ.

Главнокомандующій, къ удовольствію своему, усмотрѣвъ, что мнѣнія частныхъ начальниковъ согласуются съ его собственнымъ, представленнымъ на Высочайшее одобреніе, составилъ уже къ тому времени общій планъ дѣйствій для предстоявшей кампаніи. Планъ сображенъ былъ съ относительнымъ положеніемъ непріятельскихъ силъ и крѣпостей праваго берега Дуная. Операціонною линіею избрана дорога изъ Силистріи къ Шумлѣ. Овладѣніе Силистріею корпусомъ генералъ-поручика Потемкина долженствовало быть началомъ дѣйствій на правой сторонѣ Дуная; а чтобы заставить непріятеля въ

тоже время держать свои силы разсѣянными на правомъ берегу, генералъ Вейсманъ съ нижнято Дуная долженъ былъ предпринять диверсію къ Базарджику, а графъ Салтыковъ, присоединивъ къ себѣ отрядъ Текели изъ верхней Валахіи,—переправиться чрезъ Дунай и овладѣть Рущукомъ; за тѣмъ—какъ онъ, такъ и генералъ Вейсманъ, выйдя на соединеніе съ главными силами, должны были продолжать дальнѣйшія дѣйствія отъ Силистріи къ Шумлѣ.

На основаніи сего плана, войскамъ въ Валахіи предписано: учредить резервы въ пунктахъ удобныхъ для подкрѣпленія передовыхъ постовъ, вступить въ лагерь какъ только позволитъ время, наблюдая, что бы мѣста, избираемыя для лагерей, кромѣ хорошихъ позицій, представляли удобства отражать непріятеля, переходящаго Дунай въ значительныхъ силахъ, содержать сообщеніе со смѣжными корпусами и отрядами, и охранять свой тылъ. Генералу Текели, при первой возможности къ движенію, оставить на кордонѣ легкія войска съ резервами, выдти изъ Баната и занять позицію на лѣвой сторонѣ Ольты; обсерваціоннымъ отрядамъ на верхнемъ Дунаѣ, въ случаѣ нападенія Турокъ въ превосходныхъ силахъ, отступать или въ горы, или къ р. Ольтѣ, а высылаемымъ заднимъ подкрѣпленіямъ отъ дивизіи, отрѣзать отъ Дуная непріятеля, далеко въ край вышедшаго, и истреблять его.

Удаляясь за Ольту, Генералъ Текели обязанъ былъ скрыть настоящую цѣль своего движенія, и предпринять маневръ, который давалъ бы непріятелю видъ нападенія на него изъ Баната. Для укрытія отъ непріятеля нашихъ намѣреній, всѣ жители страны между Дунаемъ и наблюдательною цѣпью были удалены и сообщеніе съ правымъ берегомъ прервано.

Изъясненныя распоряженія Румянцева, были только въ половину исполнены Салтыковымъ. Не озаботясь, въ теченіе Апрѣля и Мая, заготовленіемъ перевозочныхъ способовъ, Графъ Салтыковъ не думалъ предпринять переправы чрезъ Дунай и объяснялъ свое бездѣйствіе на лѣвомъ берегу—то недостаткомъ судовъ, то необходимостью соображать переправу свою съ успѣхомъ дѣйствій главныхъ силъ противъ Силистріи; когда же и послѣ сего Фельдмаршалъ предписалъ непремѣнно перейти Дунай, то Салтыковъ позволилъ себѣ высказать Главнокомандующему: что онъ не признаетъ никакой пользы въ дѣйствіяхъ на правой сторонѣ Дуная. Графъ Румянцевъ, ограничиваясь въ началѣ замѣчаніями, что неприлично оставаться второй дивизіи въ бездѣйствіи, когда вся армія несетъ труды, называлъ Салтыкова осторожнымъ генераломъ, хотѣлъ самъ поѣхать къ дивизіи, напоминалъ ему о долгѣ его подчиненности, и наконецъ вынужденъ былъ довести до свѣденія Императрицы о неточномъ исполненіи его повелѣній начальникомъ второй дивизіи.

Слѣдуя обыкновенной на войнѣ системѣ—предоставлять искусству и благоразумію Начальствующихъ исполненіе какого либо отдѣльнаго предпріятія, Графъ Румянцевъ не давалъ подробныхъ инструкцій, и не связывалъ Начальствующаго буквальностію предписаній, а ограничивался указаніемъ цѣли предпріятія и изложеніемъ предначертаній въ основныхъ идеяхъ; исполняющій, имѣя много свободы для соображенія на мѣстѣ своихъ дѣйствій, поступалъ, или сходно своему характеру, или сообразовался съ образомъ мыслей Главнокомандующаго. Такой способъ управленія войсками имѣлъ свою хорошую сторону для генераловъ, каковы

были Суворовъ, Вейсманъ, Каменскій и Игельштромъ, которые, отвергая чуждыя Русскому характеру, отжившія уже свое время, войны маневровъ и кордонной системы, могли, подъ начальствомъ Румянцева, находить случаи къ отличіямъ и быстрому возвышенію на ступеняхъ военной іерархіи. Дѣйствія Суворова, въ эту кампанію, когда онъ не былъ связанъ зависимостію отъ другихъ, доказываютъ самобытность его генія и обращаютъ на себя вниманіе, какъ рѣшительностью, такъ и искусствомъ соображеній; съ этаго времени Суворовъ дѣлается извѣстенъ Румянцеву, какъ искусный Генералъ и пробуждаетъ завистъ въ сослуживцахъ.

Послѣ перемирія, вторая дивизія была въ слѣдующемъ положеніи:

Генералъ Текелли оставался въ Банатѣ, на квартирахъ, до появленія подножнаго корма. Донцы и Арнауты, содержавшіе наблюдательную цѣпь по Дунаю, были подкрѣплены постами изъ регулярныхъ войскъ расположенными такимъ образомъ:

Въ Слатинѣ, подъ командою подполковника Мещерева, одинъ егерскій баталіонъ подполковника Мещерскаго, двѣ гренадерскія и двѣ мушкетерскія роты, съ двумя орудіями. Постъ этотъ имѣлъ назначеніе охранять Слатинъ, какъ пунктъ, гдѣ находились сухарные магазины, транспорты, прибывшіе изъ Букареста, и переправа чрезъ Ольту, и служить резервомъ Каракальскому и Рушведскому постамъ. Послѣдній былъ въ командѣ у маіора Шенка и состоялъ изъ одного эскадрона Гусаръ, Донскаго полка Дячкина и пѣшихъ Арнаутъ. Постъ этотъ, находясь противъ крѣпости Турно, обезпечивалъ сообщеніе постовъ Банатскихъ съ

постами второй дивизіи, начинавшимися въ лѣво отъ Калмацуя, и наблюдалъ пространство между Ольтою и Дунаемъ, въ углу котораго лежала крѣпость Турно, еще бывшая во власти Турокъ. При нападеніи непріятеля, Рушведскій отрядъ могъ получить подкрѣпленіе отъ подполковника Мисюрева, изъ Слатина, и отъ поста подполковника Тутлинга, выставленнаго при устьѣ р. Теліормана отъ второй дивизіи.

Прочіе посты въ Банатѣ были:

Въ Каракалѣ противу Оревы одинъ эскадронъ пикинеръ и Донской полкъ Исаева. Въ Чероѣ противъ Виддина: одинъ пикинерной эскадронъ, Донской полкъ Сычева и Арнауты. Въ Страгаѣ противъ Черица и Кладовы: два пикинерные эскадрона, казаки и Арнауты.

У князя Трубецкаго, легкимъ войскамъ въ цѣпи посланы подкрѣпленія; дивизія, стянутая къ Букаресту, находилась въ полной готовности къ выступленію.

Посты, отъ второй дивизіи выставленные, были: близъ устья Теліормана, въ Журжѣ и Пигоештахъ. Полковнику Неутлингу ввѣренъ былъ первый постъ (Зимницы и урочище Беулъ) противъ Фиштова. Этотъ постъ, состоявшій изъ шести ротъ пѣхоты и двухъ орудій, служилъ резервомъ кордону, протянутому Арнаутами и Донскими казаками полковъ Агѣева и Яновскаго, отъ устья Калмацуя, влѣво берегомъ Дуная, до Журжевскаго редута, не доходя 10 верстъ до сел. Слободзеи. На него возлагалось наблюденіе за непріятелемъ на противоположномъ берегу, подкрѣпленіе поста Рушведскаго и сношеніе—какъ съ нимъ, такъ и съ комендантомъ Журжи. Ближайшимъ пикетомъ на р. Калмацуѣ къ посту маіора Шенка было селеніе Петре, занятое маіоромъ Богдановымъ съ Арнаутами. Комен-

дантъ Журжи, Командиръ Ингерманландскаго полка, полковникъ Бекельманъ, командовалъ кордономъ, которой содержался навербованнымъ изъ Польскихъ провинцій полкомъ, на протяженіи отъ Журжевскаго ретраншамента до устья р. Аржиша. Пикетъ маіора Кашперова, находившійся между Журжею и Аржишемъ, былъ въ завѣдываніи Комендапта Журжи.

Полковнику Батурину поручено охранять Негоештскій и Облештскій посты, служить подкрѣпленіемъ кордону, выставленному отъ Аржиша внизъ по Дунаю и вверхъ по р. Мостище до Облештъ, и имѣть сношеніе, вправо чрезъ Кашперова, съ полковникомъ Бекельманомъ, а влѣво, съ Генералъ-Поручикомъ Потемкинымъ. Сила Негоештскаго поста простиралась до 2,296 чел. Въ томъ числѣ было подъ ружьемъ Астраханскаго пѣхотнаго полка 1,360; карабинеръ на конѣ, отъ двухъ эскадроновъ Астраханскаго же карабинернаго полка, 180; Донскаго Леонова полка казаковъ 480; 5-ть Турецкихъ и 2 полковыхъ орудія. Негоешти, дурно укрѣпленный монастырь, на лѣвой сторонѣ Аржиша, въ 20-ти верстахъ къ сѣверу отъ Туртукая, служилъ связью войскъ генерала Потемкина со второю дивизіею, и находился на оконечности фронта дѣйствій предпринятыхъ для овладѣнія Силистріею. — Это обстоятельство и другое, что Дунай предъ Туртукаемъ, имѣя ширины не болѣе 300 сажень, представлялъ болѣе удобствъ къ переправѣ въ семъ мѣстѣ нежели на другихъ пунктахъ, дали Негоештскому посту, и противъ его лежащему городу Туртукаю, стратегическую важность, и привлекли вниманіе обѣихъ сторонъ. Турки въ Туртукаѣ, а наши въ Негоештахъ, усиливали отряды съ разными намѣреніями: Турки—для перехода

чрезъ Дунай, съ цѣлью сдѣлать поискъ на нашу сторону, а Русскіе—для демонстраціи, въ покровительство генералу Потемкину, открывавшему тогда свои дѣйствія противъ Силистріи.

Чтобы еще лучше наблюдать за измѣненіями въ положеніи непріятеля въ Туртукаѣ, и отвлечь его вниманіе отъ приготовленій къ переправѣ генерала Потемкина, полковникъ Батуринъ, 15-го Марта, двинулся съ своимъ отрядомъ отъ Негоештъ внизъ по Аржишу и расположился лагеремъ въ виду Туртукая во 100 саж., не доходя до берега рѣки. Растягивая фронтъ лагеря, и скрывая фланги въ лощинахъ, полковникъ Батуринъ старался выказать непріятелю свои войска сильнѣйшими нежели они были въ дѣйствительности. Въ тоже время, маіоръ Кашперовъ, съ партіями казаковъ, безпрестанно производилъ движенія по правой сторонѣ Аржиша, и тѣмъ содѣйствовалъ Батурину въ обманѣ непріятеля. Сверхъ сихъ демонстрацій, сдѣланы разглашенія о намѣреніи нашемъ ударить на другой берегъ. Отъ Журжи по Дунаю и теченію Аржиша, спущены были плоты и лодки; по ночамъ производили шумъ и крикъ въ устьѣ Аржиша, чтобъ увѣрить непріятеля въ дѣятельности, съ которою приготовлялась экспедиція. Въ Дунай съ намѣреніемъ пущено нѣсколько бревенъ какъ бы унесенныхъ водою; съ ближайшихъ деревень собраны жители, подъ предлогомъ употребленія на суда за гребцовъ, но имъ допущено было разбѣжаться въ первую затѣмъ ночь, какъ бы по оплошности нашихъ карауловъ. Наконецъ — въ довершеніе всѣхъ этихъ демонстрацій, генералъ Потемкинъ намѣревался провести лодки съ гренадерами изъ Анкорештъ въ Аржишъ и, для сопровожденія ихъ

берегомъ Дуная, взялъ изъ Негоештскаго отряда 100 доброконныхъ казаковъ; но не успѣвъ въ томъ, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ и бурь на Дунаѣ, отказался вскорѣ отъ исполненія своего поиска на Силистрію, а Полковнику Батурину предложилъ возвратиться въ Негоешты.

Такимъ образомъ безплодно окончившаяся дѣятельность Негоештскаго отряда внушила непріятелю большія опасенія за Туртукай. Турки, съ сего времени, стали строить около города батареи, ставить вблизи его лагери, усиливать занимавшій его отрядъ, и начали, почти ежедневно, дѣлать вылазки на нашъ берегъ и нападать на посты кордоновъ Негоештскаго и Журжевскаго.

Князь Трубецкой, ожидая отъ непріятеля сильной диверсіи въ эту часть своего расположенія, началъ также усиливать посты лѣваго своего фланга, а что бы до времени не обнаружить того непріятелю, приказалъ, на правомъ флангѣ, маіору Богданову сдѣлать рекогносцировку непріятеля въ направленіи къ крѣпости Турно и напасть на ближайшіе посты. Маіоръ Богдановъ, 15-го Марта, атаковалъ посты во Фламунде и Магурянахъ, при чемъ убиты 23 Турка и отогнано до 50 штукъ скота.

Въ такомъ положеніи были дѣла на верхнемъ Дунаѣ. 25-го Марта, прибылъ къ дивизіи Графъ Салтыковъ, и нѣсколько дней спустя, получилъ отъ Графа Румянцова преложеніе сообразить: какимъ образомъ произвести нападеніе на лагерь Визиря, который, находясь подъ Шумлою, былъ ближе ко второй дивизіи нежели къ прочимъ войскамъ Русской арміи; какъ овладѣть Рущукомъ и открыть наступленіе изъ Валахіи

*

на правую сторону Дуная, и гдѣ, по овладѣніи Рущукомъ, удобнѣе соединиться съ корпусами, направленными къ Шумлѣ отъ Силистріи, по взятіи этой крѣпости, и съ нижняго Дуная; какія принять мѣры для отрѣзанія Визирю отступленія; сколько времени потребно на приготовленіе къ такой экспедиціи, и какъ обезпечить собственное отступленіе въ случаѣ отраженія отъ Рущука? Потемкину и Вейсману, какъ предназначеннымъ, первому для поиска на Силистрію, а послѣднему для диверсіи къ Базарджику и отрѣзанія Абды-Паши отъ горъ, сдѣланы подобные же вопросы.

Между тѣмъ, къ прежнимъ извѣстіямъ, о усиленіи непріятеля противъ лѣваго фланга второй дивизіи получены новыя, что въ крѣпость Турно отправлено подкрѣпленіе изъ Никополя, а у жителей праваго берега отобраны суда и собраны подъ крѣпостію; что значительное число подводъ, въ тоже время, потянулось къ Шумлѣ, для поднятія тяжестей арміи Визиря, и что послѣдній намѣренъ отъ Шумлы перейти въ Плевно. Эти извѣстія должны были привести къ двумъ заключеніямъ: или Визирь займетъ позицію, подъ прикрытіемъ Рущука, Виддина и Никополя, съ цѣлію лучшаго обезпеченія своего стана; или имѣетъ въ виду, собравъ всѣ войска, вторгнуться чрезъ одинъ изъ сихъ пунктовъ въ Валахію. Графъ Салтыковъ склонялся болѣе на послѣднее заключеніе, а какъ къ тому еще не проходило дня, что бы Турки не показывались гдѣ нибудь на лѣвомъ берегу между Аржишомъ и Ольтою, и особенно противъ Журжи, то онъ утвердительно опредѣлялъ намѣреніе Турокъ вторгнуться въ означенное пространство.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, Графъ Салтыковъ, при-

знавая опаснымъ отлагать на дальнѣйшее время присоединеніе отряда Генералъ-Маіора Текелли къ главнымъ силамъ дивизіи, приказалъ подкрѣпить Рушведскій постъ, обезпечивавшій это соединеніе, егерскимъ баталіономъ подполковника Аршеневскаго и эскадрономъ гусаръ; самъ же онъ съ дивизіею выступилъ изъ Букареста, въ концѣ Апрѣля, и расположился лагеремъ въ позиціи у Станештъ въ виду противнаго берега, имѣя предъ собою Рущукъ, а въ лѣво Туртукай — пункты, откуда онъ наиболѣе ожидалъ дебушированія Турокъ на лѣвый берегъ Дуная. Занявъ эту позицію, Графъ надѣялся привлечь на себя вниманіе непріятеля, утвердить его во мнѣніи о намѣреніи нашемъ дѣйствовать изъ Журжи на Рущукъ, (что впрочемъ имѣлось въ виду на будущее время), и тѣмъ скрыть предположенный поискъ на Туртукай въ лѣвой сторонѣ, и движеніе Генерала Текелли изъ Баната въ правой.

Генералу Текелли предписано: оставя въ Банатѣ легкія войска подъ начальствомъ полковника Уварова, перейти Ольту, занять позицію у Рушведе и имѣть подъ особеннымъ наблюденіемъ скопившагося въ Турно непріятеля.

Находившійся у Рушведе постъ подполковника Аршеневскаго переведенъ къ устью Теліормана, на мѣсто отряда подполковника Пеутлинга, который оттуда подвинутъ въ лѣво къ Кокольцу, и порученъ Преміеръ-Маіору Брянчанинову. Аршеневскому приказано дѣлать демонстрацію приготовленій для поиска на Фиштовъ; въ случаѣ нападенія на него Турокъ, маіоръ Брянчаниновъ долженъ былъ поддержать его.

Графъ Салтыковъ, заставляя Генерала Текелли растянуть наблюдательные посты до Кокольца, ослаблялъ его, и съ своей стороны охотно придвинулъ бы диви-

зію въ право для сближенія съ нимъ, еслибъ не имѣлъ въ виду, расположеніемъ въ лагерѣ противъ Рущука, прикрывать Букарестъ, гдѣ находились магазины, гошпитали, и рекрутскія депо; сверхъ того — движеніемъ къ рѣкѣ Ольтѣ, онъ отклонился бы отъ первоначальной цѣли.

Полковнику Уварову, къ бывшимъ у него двумъ эскадронамъ пикинеръ въ Краіовѣ, присоединенъ егерскій баталіонъ; ему поручены всѣ посты Баната до рѣки Ольты и управленіе краемъ. Въ силу данной инструкціи, дѣйствія въ Банатѣ должны были состоять: въ демострраціяхъ переправы черезъ Дунай и быстрыхъ передвиженіяхъ отряда съ мѣста на мѣсто, съ цѣлію укрывать сколь можно болѣе отъ непріятеля выводъ отряда генерала Текелли изъ Баната. Отъ малыхъ турецкихъ партій полковникъ Уваровъ долженъ былъ отбиваться, отъ большихъ уходить во внутрь края, а съ поданіемъ помощи изъ за Ольты снова возвращаться на прежніе посты.

Въ началѣ Апрѣля, генералъ Потемкинъ представилъ Фельдмаршалу, что для покоренія Силистріи необходимо предпринять формальную атаку, требовалъ осадной артиллеріи и усиленія своего корпуса. Главнокомандующій, признавая затруднительнымъ перевозить чрезъ Дунай осадную артиллерію на малыхъ судахъ, опасался за потерю оной при неудачѣ, и зная при томъ, что запасъ зарядовъ при арміи не значителенъ, приказалъ Потемкину оставить виды на Силистрію, а заняться поисками и пріобрѣтеніемъ постовъ на правой сторонѣ Дуная, что и было исполнено, 24 Апрѣля, занятіемъ Гирсовскаго поста.

Это обстоятельство не измѣняло однако ни мало

предначертанныхъ операцій. Главныя силы должны были переправиться чрезъ Дунай ниже Силистріи; Генералъ-Маіоръ Вейсманъ — прибыть туда отъ Карасу, а генералъ Потемкинъ — изъ своего расположенія подъ Силистріею. Затѣмъ этимъ корпусамъ назначалось дѣйствовать общими силами противъ Силистріи.

Диверсія Генералъ-Маіора Вейсмана, предпринятая въ Маѣ мѣсяцѣ съ нижняго Дуная, могла не имѣть успѣха и быть гибельною, хотя ручательствомъ въ удачѣ Главнокомандующему служили испытанное мужество, опытность, и военныя дарованія начальствующаго отрядомъ. Не смотря на это, Турки могли нетолько стянуть противъ Вейсмана свои силы, бывшія въ этомъ краѣ, но даже отозвать туда часть гарнизона Силистріи; всего же болѣе опасался Фельдмаршалъ, что бы самъ Визирь не бросился на Вейсмана изъ Шумлы. Справедливо тревожимый этимъ предположеніемъ, Главнокомандующій, въ то время, самъ началъ движеніе къ р. Яломицѣ, но съ каждымъ переходомъ впередъ, удаляясь отъ нижняго Дуная, лишался возможности подать помощь Вейсману. Положеніе сего генерала, въ случаѣ пораженія, было самое критическое: не имѣя на нижнемъ Дунаѣ, для обратной переправы, ни судовъ, которыя были посланы вверхъ по Дунаю, на усиленіе перевозочныхъ способовъ главныхъ силъ, — ни опорнаго пункта на правомъ берегу рѣки, отрядъ Вейсмана могъ быть истребленъ, и тогда рушились бы всѣ соображенія Фельдмаршала. Въ такомъ состояніи дѣлъ, Главнокомандующему оставалось одно: угрожать непріятелю на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ, дабы не дозволить ему обратиться про-

тивъ Вейсмана, и потому Графу Салтыкову, еще до открытія движенія генераломъ Вейсманомъ, предписано было придать сколько можно болѣе его распоряженіямъ видъ рѣшительныхъ приготовленій къ переходу чрезъ Дунай и развлекать вниманіе непріятеля экспедиціями на противную сторону. Таково было общее значеніе и цѣль поисковъ, произведенныхъ отъ второй дивизіи: 10-го Мая, на Туртукай, Генералъ-Маіоромъ Суворовымъ; 14-го Мая, засада Генералъ-Маіора Текелли у Калмацуя, и поискъ на крѣпость Турно; 15-го Мая, неудачный поискъ полковника Князя Рѣпнина на правую сторону Дуная, на Турецкій лагерь у д. Марутино и Табанъ ниже Рущука, и наконецъ менѣе значительные поиски: 8-го Мая, подполковника Штакельберга отъ Слободзейскаго редута; 9-го Мая, экспедиція полковника Дурново изъ крѣпости Журжи; 10-го Мая, капитана Шутица; 11-го Мая, маіора Дивова и 12-го, капитана Аржевитенова.

Въ то время, когда Графъ Салтыковъ небольшими переходами подвигался къ позиціи Станештской, на р. Дымбовицѣ, впадающей въ Аржишъ близъ Негоештъ, кипѣли работы; тамъ, въ теченіе 10 дней, построено было вновь 10 судовъ и исправлено 7 найденныхъ у жителей. Эта флотилія могла поднять отъ 600 до 770 человѣкъ.

Въ деревнѣ Фрасенъ, на маршѣ дивизіи, Графъ Салтыковъ далъ приказаніе Суворову отправиться въ Негоешты и поспѣшить сколь возможно производствомъ нападенія на Туртукай. Суворовъ прибылъ въ Негоешты 5-го Мая и тотчасъ приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Собравъ свѣдѣнія о состояніи непріятельскаго отряда въ Турту-

кахѣ, о положеніи города и его окрестностяхъ, онъ хотѣлъ, въ ночь съ 7-го на 8-е Мая, выступить изъ Негоештъ къ урочищу Ольтеницы въ 3-хъ верстахъ предъ Туртукаемъ; но встрѣтившіяся обстоятельства заставили его отложить свое предпріятіе до 9-го Мая. Турки противъ устья Аржиша имѣли одно судно на якорѣ вооруженное пушками. Суда наши, выходя изъ устья р. Аржиша въ Дунай, должны были проходить подъ непріятельскимъ огнемъ. Суворовъ, что бы скрыть до времени свою флотилію, и избѣжать замѣшательства въ прибытіи судовъ къ мѣсту, гдѣ отрядъ долженъ былъ произвести амбаркацію, предполагалъ перевести ихъ на подводахъ.

Между тѣмъ, спущенныя къ Негоештамъ 17 лодокъ приводились въ готовность къ амбаркаціи. За неимѣніемъ въ близи Негоештъ жителей, выбраны въ гребцы люди изъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, и распредѣлены по судамъ; подѣланы сходни, заготовлены шесты, бичевы, багры и проч. Начальникомъ флотиліи поставленъ былъ Поручикъ Капорскаго полка Палкинъ, который привелъ суда изъ р. Дымбовицы. Всѣ приготовленія производились дѣятельно и осторожно, не упуская изъ виду ни малѣйшаго обстоятельства.

Другая причина, заставившая Суворова отложить экспедицію, заключалась въ неприбытіи командированнаго въ Негоешты, на усиленіе его отряда, полковника Князя Мещерскаго съ остальными 3-мя эскадронами Астраханскаго карабинернаго полка. 8-го Мая Князь Мещерскій прибылъ, подводы собраны, дороги осмотрѣны и Суворовъ повелъ свой отрядъ, въ ночи съ 8-го на 9-е Мая, къ Аржишскому редуту при урочищѣ Ольтеницѣ; туда же спуститься должна была и флотилія.

Число войскъ отряда не превышало 1,950-ти человѣкъ; боевая сила состояла въ 760 человѣкъ пѣхоты подъ ружьемъ, 370 Карабинеръ на конѣ, 480 казаковъ, 4 полковыхъ и 3 Турецкихъ орудій. Полки: Астраханскій пѣхотный, которымъ нѣкогда командовалъ Суворовъ, Астраханскій карабинерный, Донской Леонова, и небольшая команда новонабраннаго полка изъ жителей Польскихъ областей.

За отдѣленіемъ части пѣхоты въ гребцы и для охраненія судовъ, подъ ружьемъ оставалось неболѣе 500-тъ человѣкъ. Съ этою то горстью людей Суворову предстояли: амбаркація, переправа, дессантъ, атака крутаго берега, переходъ многихъ рытвинъ и овраговъ, взятіе 4-хъ батарей, штурмъ трехъ лагерей и города, и наконецъ бой на каждомъ шагу, съ непріятелемъ, въ шесть разъ превосходившимъ его силами! При томъ, всѣ эти дѣйствія должно было совершить въ темнотѣ ночи, съ начальниками, которыхъ онъ не зналъ, съ отрядомъ только что поступившимъ въ его командованіе. Военная исторія вообще представляетъ весьма немногіе примѣры ночныхъ дѣйствій и въ томъ числѣ болѣе неудачныхъ случаевъ. Предпріятія сего рода почитаются труднѣйшимъ дѣломъ войны. Для самаго Суворова, въ послѣдствіяхъ Туртукайскаго дѣла не могло быть средины: ему надобно было или возвратиться побѣдителемъ, или умереть. Что бы сталось съ его возникавшею извѣстностію при неудачѣ? Какой бы Начальникъ рѣшился бы впредь довѣриться Генералу, который обезславилъ бы себя безразсудствомъ и запальчивостію? Кто бы еще могъ положиться на умъ и познанія Суворова, если бы онъ, на первомъ шагу испытанія, не обнаружилъ ни того, ни

другаго? Может быть мысли Суворова рисовали подобную картину; может быть под впечатлѣнiем их послал он Графу Салтыкову двѣ записки 7 и 8-го Мая.

Набрасывая свои соображенiя для будущей экспедицiи, он в одной из них говорит: «Как ни думать—только вѣрьте, Ваше Сiятельство, что пѣхоты мало! Я начну, да как? стыдно сказать. Comment avanturerai je ma poignée de Cavalerie de l'autre coté et quand arrivera-t-elle? J'ai écris à M. Potemkin qu'il fasse allarmer Tourtoukay au dos par un gros de ses trouppes légeres vers ce temps - la. Mais à cela il n'y a pas de possibilité!» можно догадываться, что Граф Салтыков, отказав Суворову в усиленiи его отряда пѣхотою, совѣтывал потребовать от Генерал-Поручика Потемкина судов, переправить на них кавалерiю и послать ее в обход для нападенiя на Туртукай с южной стороны, ибо, во второй своей запискѣ, Суворов, высказав еще раз свое мнѣнiе о малочисленности пѣхоты: «Все мнѣ кажется пѣхоты мало,» прибавляет: «от Потемкина ни о чем ненадежен. Судов его долго ждать;» и потом, как бы в момент рѣшительности исполнить задуманный поиск, мысли его, то переносятся на Туртукайскую мѣстность, то снова останавливаются на том же предметѣ: «Вот что до пѣхоты: у них в Туртукаѣ, рытвины, домы, пушечки...» Все хорошо! как Бог благословит! а пѣхоты кажется мало!»

Очевидно, что Суворов не упустил из виду ни одного обстоятельства, которое могло облегчить предстоявшiя ему дѣйствiя: Потемкина просил он послать кавалерiю для обезпокоиванiя города с тылу,

въ то время, когда онъ откроетъ самъ дѣйствительную атаку со стороны рѣки.

Потемкинъ, исполняя просьбу въ половину, отвѣчалъ Суворову, что, для облегченія предпріятія на Туртукай, онъ, въ ночь съ 7-го на 8-е Мая, отправитъ Запорожцевъ въ деревню, лежащую въ четырехъ часахъ марша выше Силистріи, съ тѣмъ, чтобы схватить находящійся тамъ Турецкій постъ.

Диспозиція отданная Суворовымъ для Туртукайскаго ночнаго нападенія, заключала въ себѣ распоряженія трехъ послѣдовательныхъ дѣйствій: переправы, атаки и возвращенія на лѣвую сторону Дуная. Она прилагается здѣсь въ подлинникѣ.

Стиль этой диспозиціи таковъ же какъ и прочихъ намъ извѣстныхъ диспозицій нашего героя. Суворовъ здѣсь весь на лицо съ его лаконизмомъ, съ его знаніемъ русскаго солдата и съ его тактикою.

I.

1. «*Переправа* будетъ ниже Туртукая верстахъ въ трехъ. Прежде переправляться пѣхотѣ, по ея двумъ кареямъ, одному за другимъ; потомъ резерву. Двѣ пушки, по причинѣ неровнаго тамошняго мѣстоположенія, должны оставаться при резервѣ, и бить сначала сзади. При кареяхъ командиры: въ первомъ г-нъ Полковникъ Батуринъ, во второмъ Подполковникъ Мауриновъ, въ третьемъ Маіоръ Ребокъ (резервъ).

2. Г-нъ Полковникъ Князь Мещерскій командуетъ на здѣшнемъ берегу, и послѣ пѣхоты, что можетъ быть, останется во второй транспортъ, переправляетъ конницу — то есть: прежде казаковъ, потомъ карабинеръ;

однако, ежели будетъ благопоспѣшно, то при казакахъ нѣсколько карабинеръ. Хорошо ежели можно: люди на лодкахъ, коней въ поводахъ вплавь, а буде нѣтъ, то на лодкахъ, поелику то можно и нужда будетъ. Впрочемъ, кавалерія остается на берегу, раздѣляя оную и маскируя по его усмотрѣнію, а казачьими пикетами Леонова тянетъ цѣпь къ казакамъ Кашперова.

3. «На здѣшнемъ берегу, для закрытія нашихъ судовъ, разбиванія, какъ и пораженія непріятельскихъ, кои бы въ переправѣ препятствовать покусились, батарея: два единорога и двѣ пушки (ядра бьютъ далѣе, а гренады жгутъ); при сей батареи Кириловъ. Пушки должны быть поставлены въ способнѣйшихъ мѣстахъ и раздѣльно: для крестныхъ выстрѣловъ и оказанія большаго числа артиллеріи — зависитъ отъ благоучрежденія г. Полковника Князя Мещерскаго. Пѣхоты при артиллеріи надлежащая часть. На этой сторонѣ при выгрузкѣ пѣхоты по разсмотрѣнію.

4. За исправность судовъ и поспѣшность въ переправѣ отвѣтствуетъ г-нъ Палкинъ. Г-нъ Полковникъ Князь Мещерскій всему благопоспѣшествуетъ.

II.

1. *Атака* будетъ ночью съ храбростію и фуріей Россійскихъ солдатъ. Разстройки: (*) противъ праваго непріятельскаго положенія, гдѣ у нихъ первый не знатный лагерь, потомъ, пробиваясь до нашинскихъ палатокъ, гдѣ у нихъ лагерь по меньше; а наконецъ и версты три оттуда далѣе, до ихъ лагеря по больше. Бата-

(*) Должно понимать: мѣсто перестроенія пѣхоты въ колонны или каре для атаки лагерей.

реи ихъ: при первомъ за рытвиною, при пашинскихъ палаткахъ, и уповательно, что та батарея посильнѣе. Непремѣнно надлежитъ ея сорвать, слѣдуя до третьяго ихъ лагеря.

2. Благопоспѣшнѣе ударить горою: одинъ каре выше, другой въ полъ-горы. Резервъ по обычаю. Стрѣлки на двѣ половины, каждая на два отдѣленія. Первая съ праваго каре, другая съ лѣваго каре; съ праваго: въ полъ-горы, впередъ и бѣгомъ; съ лѣваго: съ боку и спереди. Стрѣлки аларміруютъ и тревожатъ. Каре обходятъ рытвину или проходятъ чрезъ нее гдѣ способно.

3. Переправляющаяся конница примыкаетъ къ резерву; казаки то же и могутъ выѣзжать на тревоженье и шармушированье, или примыкаютъ къ ближнему каре.

4. Резервъ безъ нужды не подкрѣпляетъ, а дѣйствуетъ самъ собою какъ и оба каре.

5. Турецкія суда отрѣзываетъ и отбираетъ ближнее каре, или буде ближе — то резервъ, и тотчасъ ихъ спустить въ устье Аржиша противъ Кашперова.

6. Пушки Турецкія отвозятся въ резервъ, чтобы каре въ ихъ быстротѣ ими задержаны не были, а тяжелыя и неходкія остаются до времени особливо, ежели можно, срываются въ воду. Заряды при пушкахъ отвозятся также въ резервъ. Порохъ при пашинской квартирѣ, ежели можно, отвозится къ нашимъ судамъ и переправляется на сю сторону; буде не можно, то срывается въ воду, дабы послѣ отъ него не было вреда.

7. Какъ скоро г. Маіоръ Кашперовъ услышитъ первый выстрѣлъ, то переправляетъ пѣшихъ казаковъ на

островъ при командирѣ, и тревожитъ весьма, тако жъ и отводитъ.

8. Ежели г. Полковникъ Князь Мещерскій заблагоусмотритъ переправить пѣшихъ карабинеръ на ту сторону для дѣйствія къ Туртукаю, предается въ его волю. А когда Турки, между тѣмъ, учинятъ на судахъ, паче чаянія, какую вылазку на сію сторону, то ихъ рубить, колоть и отрѣзывать.

«Сія есть генеральная диспозиція атаки; прибавить къ тому: что Турецкіе собственные набѣги отбивать по обыкновенному — наступательно, а подробности зависятъ отъ обстоятельствъ, разума и искуства; храбрости и твердости Г. г. командующихъ».

III.

1. *Возвращеніе* на сію сторону быть надлежитъ по окончаніи дѣйствія и разбитіи Турокъ во всѣхъ мѣстахъ».

2. «Турецкую отбитую артиллерію, сколь возможно, ставить на суда, и къ тому времени можно подвесть нашъ паромъ, что у Кашперова будетъ въ устьѣ Аргиса, впрочемъ топить!

3. Прежде переправляется конница: карабинеры и казаки; а пѣхота стоитъ на выгодномъ мѣстѣ для прогона Турецкихъ набѣговъ.

4. «Между тѣмъ, Туртукай весь сжечь и разрушить палаты такъ, чтобы болѣе тутъ непріятелю пристанища не было.

5. «Весьма щадить: женъ, дѣтей и обывателей, хотя бы то и Турки были, но не вооруженные, мечети и ду-

ховный ихъ чинъ для взаимнаго пощаженія нашихъ Св. Храмовъ.

6. «Потомъ переправляется и пѣхота. Да поможетъ Богъ!»

—

Приближаясь, въ ночь на 9-е мая, со всѣмъ своимъ корпусомъ къ урочищу Ольтеницы, Суворовъ, за часъ до разсвѣта, получилъ извѣстіе, что Турки, переправились чрезъ Дунай въ значительныхъ силахъ, напали на пикеты казаковъ и вступили съ ними въ дѣло. Въ слѣдствіе сего, Суворовъ, остановивъ свой отрядъ въ лощинѣ (см. планъ и описаніе плана), тотчасъ отрядилъ впередъ эскадронъ Астраханскаго карабинернаго полка, приказавъ ему взять влѣво, а прочимъ четыремъ эскадронамъ того же полка слѣдовать въ подкрѣпленіе ему Пѣхотѣ, перестроенной уже согласно диспозиціи, дано приказаніе: маіору Ребоку съ резервомъ итти на подкрѣпленіе кавалеріи къ бывшему впереди, между нами и непріятелемъ, небольшому лѣсу, а двумъ кареямъ, полковника Батурина и подполковника Мауринова, быть въ готовности направиться туда же, для подкрѣпленія резерва и кавалеріи. Турки, высадившись въ устьѣ Аржиша, и опрокинувъ находившіеся тамъ казачьи пикеты, понеслись толпою на высоты, правѣе лѣса. Не успѣвъ еще подняться на верхъ, они были атакованы съ фронта и съ праваго фланга двумя эскадронами Астраханскаго карабинернаго полка, (изъ коихъ одинъ посланъ Суворовымъ, а другой введенъ въ дѣло полковникомъ Княземъ Мещерскимъ), и казаками, опрокинуты и преслѣдуемы до самаго берега. Тамъ, одни въ страхѣ бросались на суда, другіе тонули въ

Дунаѣ, а оставшіеся на берегу частью изрублены, частью же взяты въ плѣнъ.

Непріятель, обманутый демонстраціями Графа Салтыкова предъ Рущукомъ, и ожидая нападенія Русскихъ только съ этой стороны, полагалъ Негоештскій постъ слабо занятымъ и рѣшился на него напасть. Случилось, что Турки вышли на нашъ берегъ въ то именно время, когда Суворовъ готовъ былъ самъ двинуться къ переправѣ.

Силы непріятеля, высадившагося на нашу сторону, состояли изъ 600 конныхъ и 300 пѣшихъ. Убитыми насчитано 85-ть человѣкъ, не включая въ это число тѣлъ не найденныхъ въ высокой травѣ; потонуло еще болѣе; въ плѣнъ же взяты: предводитель отряда Бимъ-Паша, второй чиновникъ по Туртукайскомъ Пашѣ, два аги и шесть рядовыхъ; по показанію плѣнныхъ, въ Туртукаѣ находилось свыше четырехъ тысячъ пѣхоты и конницы.

Суворовъ, въ тотъ же день, писалъ Графу Салтыкову: «На здѣшней сторонѣ мы уже ихъ и побили. Тяжело! пѣхоты у нихъ пополамъ. Мы начнемъ въ сію ночь и, можетъ быть, диспозицію перемѣнимъ.» Въ запискѣ, приложенной къ рапорту, онъ восклицалъ: «Увы! пѣхоты мало! Карабинеръ чрезвычайно, да что имъ дѣлать на той сторонѣ!»

Диспозиція однако приведена была въ исполненіе безъ измѣненія.

Раздѣлавшись съ Турками на лѣвой сторонѣ рѣки и предположивъ, непремѣнно, въ слѣдующую ночь совершить задуманную экспедицію, Суворовъ расчитывалъ успѣхъ ея столько же на внезапности появленія на другой сторонѣ Дуная, когда Турки, наименѣе того ожи-

дали, сколько и на темноту ночи, скрывавшую слабость его силъ. Передъ вечеромъ 9-го мая, онъ взялъ съ собою полковника Князя Мещерскаго, оставляемаго для начальствованія на лѣвой сторонѣ, объѣхалъ съ нимъ берегъ Дуная, указалъ ему мѣсто, гдѣ долженъ стоять во время экспедиціи Астраханскій карабинерный полкъ, самъ поставилъ 4-ре пушки взятыя отъ Астраханскаго пѣхотнаго полка выше амбаркаціоннаго пункта, и далъ наставленіе Мещерскому, какъ дѣйствовать въ случаѣ нападенія непріятельскихъ судовъ на наши суда. Главное назначеніе Мещерскаго состояло въ прикрытіи нашихъ судовъ и недопущеніи Турокъ на лѣвую сторону рѣки. Маіоръ Ребокъ получилъ приказаніе слѣдовать съ резервомъ отъ лѣса, гдѣ пѣхота находилась во весь тотъ день, по берегу рѣки Аржиша, на одной высотѣ съ лодками, спущенными отъ Ольтеницъ въ устье этой рѣки, оставаться тамъ до сумерекъ, а когда начнетъ темнѣть, вывести флотилію изъ Аржиша въ Дунай, спустить ее внизъ, а самому итти берегомъ Дуная къ мѣсту амбаркаціи. Остальная пѣхота направлена къ рѣкѣ двумя колоннами. Воловымъ подводамъ, въ которыхъ миновалась надобность, (вѣроятно потому, что Турки при утреннемъ отступленіи увлекли къ противному берегу и то судно, которое наблюдало устье Аржиша), приказано, когда начнетъ смеркаться и непріятель не можетъ ясно различать предметы, слѣдовать въ головѣ пѣхотныхъ колоннъ, дабы подымаемою ими пылью, ввести въ заблужденіе Турокъ, на счетъ малочисленности артиллеріи и отряда.

Соображая приложенный при семъ планъ съ нѣкоторыми данными, встрѣчающимися въ реляціи и въ

перепискѣ Суворова съ Графомъ Салтыковымъ, видно, что городъ Туртукай имѣлъ въ окружности до четырехъ верстъ и находился на нагорномъ берегу Дуная. Въ числѣ значительныхъ зданій, упоминаемыхъ Суворовымъ, показаны: мечеть, большой домъ Паши, палаточный, провіантскій и пороховой магазины, и ряды. Мѣстность города, склоняясь къ рѣкѣ, разрѣзана глубокимъ оврагомъ въ восточной его части. Объ окрестностяхъ города можно заключать изъ объясненія значенія слова Туртукай на Русскомъ языкѣ, сдѣланнаго самимъ Суворовымъ: «Туртукай напротивъ; по Русски: стой тутъ конь! то есть на той сторонѣ дороги худы; а на горѣ крѣпиться можно токмо хорошей дивизіи. Дунай узокъ, Аржишъ хорошъ!» (*) Непріятель имѣлъ въ Туртукаѣ три лагеря: съ южной стороны лагерь Паши, съ западной — большой, а съ восточной — меньшій ихъ лагерь. Лагери эти оборонялись четырьмя батареями, окопанными брустверами и вооруженными четырнадцатью орудіями; изъ нихъ три батареи: № 16, 18 и 19-й обращены были къ Дунаю, а четвертая № 17-й защищала доступъ къ юговосточному углу меньшаго ихъ лагеря. Батарея № 18-й обороняла суда, стоявшія въ Дунаѣ, противъ того мѣста. Ниже города, по низменной части праваго берега, Турки имѣли два пикета (№ 14 и 13). Нагорный бе-

---

(*) Вѣроятно мысль была та, что для переправы чрезъ Дунай ширина рѣки никогда Суворова не затруднитъ; Аржишъ же *хорошъ* для приготовленія къ тому флотиліи. Письмо это писано 22-го мая — послѣ второй экспедиціи на Туртукай, когда Суворову приказано было отъ Салтыкова перехватывать Турецкія суда, идущія къ Силистріи, о чемъ будетъ сказано въ свое время.

регъ Дуная крутъ, пересѣченъ рытвинами и промоинами, и покрытъ кустарникомъ и лѣсомъ. Избранное Суворовымъ мѣсто для амбаркаціи отряда находилось ниже Туртукая, гдѣ ширина Дуная около 300 сажень.

По сборѣ на берегу войскъ, приступлено къ амбаркаціи. Суда были раздѣлены на три отдѣленія (пл. № 11); пѣхота, сохраняя боевой разсчетъ двухъ колоннъ и резерва, составленнаго изъ двухъ ротъ, помѣстилась на двухъ отдѣленіяхъ, которыя въ слѣдъ за тѣмъ отчалили отъ берега. Карабинеры и казаки, назначенные въ экспедицію, должны были переправиться на третьемъ отдѣленіи судовъ, во второмъ транспортѣ, послѣ пѣхоты. Непріятель, между тѣмъ, слѣдя за дѣйствіями отряда, тотчасъ открылъ канонаду съ батареи № 16 и ружейный огонь съ пикетовъ (№ 14 и 13); но этотъ огонь, произведенный въ темнотѣ ночи, былъ мало дѣйствителенъ, и флотилія, безъ вреда и замѣшательства, хотя и снесенная быстротою теченія воды внизъ на версту, причалила къ непріятельской сторонѣ (№ 12). Пѣхота ступила на берегъ, быстро построилась въ двѣ колонны съ резервомъ, и, не теряя времени, двинулась вверхъ по берегу рѣки; войска наши; имѣя въ головѣ стрѣлковъ, опрокинули пикеты и отбили орудіе, поставленное Турками у подошвы нагорнаго берега, ниже батареи № 16-го; Суворовъ, указавъ первой колоннѣ Батурина батарею № 16, направилъ вторую колонну Мауринова чрезъ лагерь, лѣвѣе первой, на батарею № 17. Полковникъ Батуринъ, при колоннѣ котораго находился самъ Суворовъ, ударя на батарею въ штыки, былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; выдержавъ и тотъ и другой, колонна его бросилась на крутизну

предъ батареей, взлетѣла на высокій брустверъ, которымъ обнесена была батарея, овладѣла ею и повернула въ лагерь, очищая путь штыками и гоня бѣжавшаго передъ нею непріятеля. Въ то же время, вторая колонна Мауринова, пройдя на штыкахъ чрезъ лагерь, и преодолѣвъ такія же затрудненія, какія испытала первая колонна, стала на батареи № 17. Батарея № 18-й была отнята у непріятеля гренадерскою ротою, отряженною отъ колонны Батурина въ самый тотъ моментъ, когда онъ, завладѣвши батареею № 16, двинулся въ лагерь.

Резервъ Маіора Ребока, до сихъ поръ, слѣдовалъ за первою колонною. Когда же батареи № 16, 17 и 18-й были заняты, и колонна Батурина очистила меньшій Турецкій лагерь, а колонна Мауринова лагерь Паши, тогда Суворовъ, обратя вторую колонну въ резервъ, приказалъ Ребоку, съ прежнимъ резервомъ, итти на большой лагерь, расположенный за Туртукаемъ къ сторонѣ Рущука, занять его, и овладѣть батареею № 19, а Батурина двинулъ въ городъ, для очищенія его отъ непріятеля. Всѣ эти распоряженія исполнены войсками быстро, съ примѣрнымъ мужествомъ и отвагою. Турки, объятые страхомъ, бросались куда попало, часть ихъ побѣжала къ Шумлѣ; а другая, небольшая, расположилась въ шалашахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Туртукая, къ сторонѣ Рущука.

Полковникъ Мещерскій, командовавшій карабинерами и казаками, оставленными на лѣвой сторонѣ Дуная, сначала дѣйствовалъ изъ орудій противъ непріятельскихъ батарей, а потомъ, когда пѣхота овладѣла городомъ и лагерями, онъ, на оставленное третье отдѣленіе судовъ, посадилъ 150 охотниковъ изъ своихъ

карабинеръ, подъ командою маіора Гранкина, и 60 казаковъ есаула Сенюшкина, приказавъ вести лошадей вплавь, и переправилъ ихъ къ тому мѣсту на противоположной сторонѣ, гдѣ непріятель имѣлъ пикетъ (№ 22-й). Маіоръ Гранкинъ, поднявшись на гору, выѣхалъ въ тылъ городу, былъ встрѣченъ огнемъ, вытѣсненной изъ лагерей Турецкой конницы и атакою изъ лощины; выдержавъ напоръ непріятеля, и бывъ во время поддержанъ казаками Сенюшкина, онъ, въ свою очередь, стремительно атаковалъ Турокъ и заставилъ ихъ разбѣжаться.

Вскорѣ за вторымъ транспортомъ отправленъ былъ третій со спѣшенными казаками маіора Кашперова. Они разбили прикрытіе Турецкихъ судовъ и овладѣли ими.

Атака Туртукайскихъ лагерей и города, начатая въ первомъ часу по полуночи, по быстротѣ, съ которою дѣйствовали всѣ части отряда, не могла быть продолжительна. Въ началѣ четвертаго часа, все было кончено. Еще до разсвѣта 10-го Мая, Суворовъ послалъ донесеніе Графу Салтыкову о взятіи Туртукая. Донесеніе это, писанное карандашемъ на лоскуткѣ бумажки, состояло въ слѣдующемъ: «*Ваше Сіятельство мы побѣдили! Слава Богу, слава Вамъ! А. Суворовъ.*» Затѣмъ отрядъ его построился за городомъ въ одну линію фронтомъ въ поле, имѣя пѣхоту на правомъ а карабинеръ на лѣвомъ флангѣ. Казаки были посланы въ разъѣзды (№ 24).

Послѣ непріятеля очередь дошла и до города. Желая отнять у Турокъ всякую возможность утверждаться и въ послѣдствіи на этомъ пунктѣ, Суворовъ оставилъ на нѣкоторое время свой отрядъ въ занятой

позиціи, а въ городъ, между тѣмъ, командировалъ двѣ роты. Имъ приказано: городскія имущества Турокъ собрать, Булгаръ и другихъ Христіанъ, жителей Туртукая, отправить на нашу сторону, а городъ зажечь. Въ слѣдствіе сего, все найденное въ городѣ отдано войскамъ, пороховой магазинъ подорванъ, прочія зданія сожжены и разорены до основанія. 187 семействъ, въ числѣ 683 душъ обоего пола, отправлены на лѣвую сторону Дуная, а въ слѣдъ за ними, часу въ шестомъ утра, когда уже совсѣмъ разсвѣло, переправился отрядъ на судахъ Туртукайской флотиліи.

Трофеями Туртукайскаго боя были: 6 знаменъ, 16 пушекъ, изъ коихъ двѣ, по тяжести и негодности, брошены въ Дунай, а 14, меньшаго калибра, взяты съ собою, и флотилія, состоявшая изъ 51 судна.

Потеря непріятеля убитыми 1,500 человѣкъ; плѣнныхъ не было. Уронъ съ нашей стороны незначителенъ: въ дѣлѣ 9-го Мая, убито 2, ранено 7 челов: а при взятіи Туртукая убито 24, ранено 35 человѣкъ. Въ Туртукайскомъ бою 710 Русскихъ разбили четыре тысячи Турокъ.

Суворовъ, раздѣляя труды и опасности боя, взлѣзая съ первою колонною на крутизны и батарею, не выходилъ изъ огня и былъ очевидцемъ мужества своихъ войскъ. А потому, въ подробной реляціи Графу Салтыкову отъ 13-го Мая, свидѣтельствуя о храбрѣйшихъ изъ своихъ сотрудниковъ, онъ прибавляетъ: «Могу увѣрить Ваше Сіятельство, что храбрость всѣхъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда, отъ штабъ-офицеровъ до солдатъ, была крайне страшна непріятелю; хотя онъ и самъ на батареяхъ держался долго, но противъ быстроты нашего нападенія устоять не могъ. Солдаты,

разсвирѣпевъ безъ помилованія кололи, и въ живыхъ, кромѣ спасшихся бѣгствомъ, ни одинъ не остался; и что похвально было видѣть — ни одинъ солдатъ въ сраженіи до вещей не прикасался, а стремился только поражать непріятеля. Офицеры были впереди и первыми входили на батареи. Всѣ исполняли свое дѣло съ приличною вѣрнымъ сынамъ отечества ревностію; будучи не въ большомъ числѣ, всѣ показали усердіе Ея Императорскому Величеству, болѣе котораго желать не можно».

Пользуясь оригинальными документами, я представилъ здѣсь всѣ сцены перваго Туртукайскаго поиска, не позволивъ себѣ нималѣйшаго отступленія отъ фактовъ. Теперь, будетъ кстати—пріостановиться въ дальнѣйшемъ изложеніи военныхъ дѣйствій и обратить вниманіе на два обстоятельства: Во первыхъ, какое значеніе имѣть можетъ Туртукайской поискъ въ нашей военной исторіи, и во вторыхъ, въ какой степени должны заслуживать вѣроятія дошедшія къ намъ отъ Біографовъ Князя Италійскаго разнорѣчія на счетъ этого эпизода военной жизни Суворова?

Относительно кампаніи 1773 года, Туртукайское дѣло не было безъ значенія; война, въ семъ году, продолжалась Русскимъ Правительствомъ съ цѣлью принудить Турокъ подписать миръ. Это требовало дѣйствій рѣшительныхъ, и что бы каждое дѣло сопровождалось выгодными для насъ слѣдствіями, будутъ ли они матеріяльныя или моральныя. Поискъ Суворова именно принадлежитъ къ разряду послѣднихъ. Легко судить о впечатлѣніи, которое Туртукайской бой долженъ былъ произвести на непріятеля. Самъ Графъ Румянцевъ доволенъ былъ Суворовымъ, и свидѣтельствомъ тому служить можетъ письмо его Алексѣю

Михайловичу Обрѣзкову, 17 Мая, въ которомъ онъ говоритъ: «Увѣдомляю Васъ о поискѣ, удачно произведенномъ на Туртукай, о чемъ я получилъ извѣстіе выѣзжая въ Фокшаны. Генералъ Суворовъ, скинувъ сей постъ съ толикимъ вредомъ непріятелю, разсыпалъ остатки его здѣсь бывшихъ войскъ, спасшихся бѣгствомъ, къ разсѣянію другимъ страха. Я желаю, чтобъ сіи произшествія открыли глаза нашему непріятелю познать опыя плодами своихъ убѣжденій, которыми уловили его завистники, и дабы онъ тѣмъ скорѣе обратился къ пути истинному и спасительному».

Въ военно-историческомъ отношеніи диспозиція на 10 Мая 1773 года замѣчательна какъ документъ, указывающій на тождественность тактики Суворова съ тактикою, порожденною французскою революціею. Выраженіе въ диспозиціи: *резервъ дѣйствуетъ по обычаю* показываетъ, что употребленіе резерва въ то время, не только не было новостью, но напротивъ такъ обыкновенно, что Суворовъ не находилъ даже надобнымъ входить въ объясненіе способа дѣйствій резерва, а довольствовался сказать просто: *по обычаю.* Составляя резервъ изъ двухъ ротъ, Суворовъ назначилъ туда третью часть своей пѣхоты, такъ что въ опредѣленіи силы резерва у него соблюдена та именно пропорція, которая нынѣ признается однимъ изъ основныхъ правилъ тактики. Правило это мы извлекли изъ опыта войнъ XIX столѣтія; Суворовъ же его составилъ для себя гораздо ранѣе. Употребленіе стрѣлковъ въ Туртукайскомъ дѣлѣ столь похоже на наше нынѣшнее, что всякой, кто не будетъ предваренъ о времени дѣйствія, для котораго диспозиція составлена, готовъ принять ее за современную съ нашимъ уставомъ, ибо разсчетъ

стрѣлковъ и указаніе имъ мѣстъ во время движенія, совершенно соотвѣтствуютъ строю нашей колонны къ атакѣ, прикрытой цѣпью застрѣльщиковъ, и скорѣе переносятъ мысль къ новѣйшимъ войнамъ, нежели къ эпохѣ Румянцева. Наконецъ третья, отличительная черта боя нашей эпохи: дѣйствіе колоннами, также встрѣчается у Суворова, какъ и прочія два нововведенія новѣйшей тактики. Правда, въ диспозиціи нѣтъ рѣчи о колоннѣ, но, за то, въ той же запискѣ отъ 9 Мая, гдѣ Суворовъ излагалъ Графу Салтыкову свои соображенія для поиска на Туртукай, онъ говоритъ: «пѣхота будетъ дѣйствовать въ двухъ кареяхъ съ резервомъ и натурально индѣ колонною». Очевидно, что слово *натурально* имѣетъ здѣсь тотъ же смыслъ какъ-бы было сказано: что пѣхота будетъ дѣйствовать по обыкновенію, соображаясь съ обстоятельствами боя, то кареями, то колоннами.

Не будетъ ли справедливо сказать, заключая краткія эти замѣчанія на Туртукайскую диспозицію, что Суворовъ, по его понятіямъ о тактикѣ, шелъ впереди своего вѣка — и силою своего генія, и глубокими познаніями въ военномъ дѣлѣ, достигнувъ тѣхъ же результатовъ, на которые одна только случайность навела, 20 лѣтъ спустя, Французовъ.

Обратимся ко второму вопросу. Біографы Князя Италійскаго, вставляя въ свои сочиненія всѣмъ извѣстное двоестишіе:

Слава Богу, слава Вамъ,
Туртукай взятъ и я тамъ,

утверждаютъ, что таково было донесеніе Генералъ-Маіора Суворова Графу Румянцеву о Туртукайскомъ дѣлѣ, и что Румянцевъ, въ свою очередь, представи

его Императрицѣ, отозвался такъ: «Вотъ безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова, который старается увѣрить, что онъ глупъ, но Европа не вѣритъ»; и въ-слѣдъ за тѣмъ, отдалъ Суворова за то же дѣло подъ военный судъ. Но ни одинъ изъ біографовъ не указываетъ на источникъ, изъ котораго заимствованы свѣдѣнія: о Туртукайскомъ донесеніи, объ отзывѣ, сдѣланномъ о Суворовѣ Графомъ Румянцевымъ и о преданіи его военному суду.

Между тѣмъ, открытое въ Іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, при разборѣ Архива военно-походной канцеляріи Графа Румянцева Задунайскаго, дѣло, относящееся къ эпохѣ дѣйствіи Генералъ-Маіора Суворова на постѣ Негоештскомъ противъ Туртукая, съ 6 Мая по 10 Іюля 1773 года, дало возможность объяснить это обстоятельство на основаніи подлинной оффиціальной и частной переписки Генералъ-Маіора Суворова, съ Командующимъ второю дивизіею въ Валахіи, Графомъ Салтыковымъ.

Свидѣтельство найденныхъ документовъ и порядокъ командированія Генералъ Маіора Суворова въ Негоешты показываютъ, что онъ, будучи въ полной подчиненности у Графа Салтыкова, не имѣлъ никакихъ прямыхъ сношеній съ Главнокомандующимъ до 4-го Іюня. Во все время пребыванія въ Негоештахъ до 4-го Іюня, сношенія Генералъ-Маіора Суворова ограничиваются перепискою съ Генералъ-Аншефомъ Графомъ Салтыковымъ, какъ съ своимъ начальникомъ, и съ Генералъ-Поручикомъ Потемкинымъ, какъ съ сосѣдомъ по постамъ, о взаимномъ содѣйствіи, полученіи и передачѣ извѣстій о непріятелѣ.

По одержаніи побѣды въ Туртукаѣ, Суворовъ пос-

лалъ, часу въ четвертомъ утра, Графу Салтыкову, краткое извѣстіе съ мѣста побоища, писанное, какъ уже сказано, карандашемъ на небольшомъ лоскуткѣ бумаги. Форма и краткость его не представляютъ намъ ничего—ни оригинальнаго, ни забавнаго: Первый лоскутъ бумаги, найденный за обшлагомъ рукава или въ карманѣ, послужилъ къ тому, чтобы увѣдомить начальника, бывшаго, вѣроятно, въ довольно тревожномъ состояніи, и, можетъ быть, ожидавшаго съ каждою минутою печальнаго извѣстія о гибели отряда. Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, вся вина пала бы на Графа Салтыкова, не хотѣвшаго увеличить силъ Суворова, но между тѣмъ, настоятельно ему предписавшаго произвести поискъ на Туртукай, еще 7-го Мая. Суворовъ, посылая лоскутокъ бумаги Салтыкову, болѣе занятъ былъ мыслію о успокоеніи начальника, нежели соблюденіемъ приличій и формы, къ которымъ, нѣтъ сомнѣнія, подчиненность его обязывала во всякое время, *но только не тогда.* Не составлять же ему официальнаго рапорта, среди поля, при едва брезжущемъ свѣтѣ, и когда онъ имѣлъ другія, болѣе важнѣйшія заботы! И такъ, что́ въ свое время было сдѣлано просто, по естественному ходу дѣла на войнѣ, то въ послѣдствіи, съ теченіемъ времени, преданіе облекло въ поэтическую форму.

Прослѣдимъ переписку Суворова, относящуюся до дѣла 10 Мая: Въ шестомъ часу утра, того же дня, Суворовъ, занявъ лагерь на лѣвой сторонѣ Дуная, послалъ знамена и первый краткій рапортъ Салтыкову съ капитаномъ Братцовымъ. Не описывая дѣла, онъ только рекомендовалъ графу этаго офицера, какъ храбраго человѣка и очевидца боя, бывшаго въ состояніи

дать полное объясненіе всей экспедиціи. 11 Мая, Суворовъ, отнеся лагерь на 10 верстъ отъ Туртукая, послалъ Графу Салтыкову другой краткій рапортъ, въ которомъ исчислялъ пріобрѣтенные имъ трофеи. Наконецъ 13 Мая, онъ представилъ подробную реляцію о дѣйствіяхъ 9 и 10 Мая, съ приложеніемъ рапортовъ, поданныхъ ему частными начальниками. Реляція эта, 14 Мая, въ оригиналѣ отослана отъ Графа Салтыкова Графу Румянцову въ Яссы, а при дѣлѣ сохранены копіи съ оной и планъ, сдѣланный карандашемъ. Послѣдній, вѣроятно, потому остался у Графа Салтыкова, что былъ представленъ Суворовымъ гораздо позже.

Наведенныя за тѣмъ справки въ Біографіяхъ Суворова и исторіяхъ его военныхъ походовъ, изданныхъ въ свѣтъ въ разное время, показали, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ имѣющихъ значеніе въ военной литературѣ, не упоминается — ни о Туртукайскомъ донесеніи, ни объ отзывѣ Главнокомандующаго Императрицѣ, ни о преданіи Суворова суду: таковы Біографіи Антинга (*), Дюбокажа (**), Лаверна и Картина войнъ Россіи съ Турціею генералъ-маіора Бутурлина. Равно также ничего несказано о томъ въ 47 № Прибавленій къ Ст.-Петербургскимъ вѣдомостямъ 1773 года, гдѣ со всею точностію напечатана подробная реляція 13 Мая и оговорено, что извѣстіе это вы-

(*) Первая часть этого сочиненія исправлена самимъ Суворовымъ; вторую исправлялъ Начальникъ его Штаба Генералъ-Ивашевъ.

(**) Гдѣ Туртукайское донесеніе приводится какъ примѣръ лаконизма; но Авторъ ничего же говоритъ о подлинности его

то изъ донесенія Графа Салтыкова Главнокомандующему.

Въ сочиненіяхъ составляющихъ сборники анекдотовъ и преданій о Суворовѣ, каковы напр. сочиненія Фукса, Бунакова, письма изданныя С. Глинкою, (*) исторіи Полеваго и Булгарина, и проч. приводится: упомянутая реляція, отзывъ Румянцева, и разсказъ о преданіи Суворова суду, но безъ указанія источниковъ, откуда авторы заимствовали свои свѣдѣнія.

Сведя, такимъ образомъ, вмѣстѣ все что извѣстно истиннаго и ложнаго о первомъ поискѣ Суворова на Туртукай, и остановивъ вниманіе на донесеніи въ томъ видѣ, въ какомъ передаютъ его Біографы Суворова:

«Слава Богу, слава Вамъ, Туртукай взятъ и я тамъ» должно признать, что три послѣднія слова втораго стиха, придапныя ему для рифмы съ первымъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть сказаны Суворовымъ; иначе донесеніе его было бы въ противорѣчіи съ дѣломъ, потому что переправясь съ отрядомъ въ тотъ же день 10-го Мая на лѣвую сторону, Суворовъ оставался въ Туртукаѣ всего неболѣе пяти часовъ, то есть столько времени, сколько ему нужно было чтобъ разбить непріятеля и сжечь городъ. Мнѣніе, что Суворовъ словами *«я тамъ»* выражалъ не ту мысль, что онъ остается въ Туртукаѣ, а только тотъ моментъ, когда писалъ записку, едвали придаетъ ясности означенному противурѣчію. Графъ Салтыковъ, приказавши

(*) Глинка въ сочиненіи своемъ *Русское чтеніе*, изданномъ послѣ писемъ, тоже не упоминаетъ болѣе о Туртукайскомъ донесеніи.

Суворову сдѣлать экспедицію на Туртукай, зналъ, что онъ, исполняя его приказаніе, не могъ миновать своего предмета дѣйствій; при томъ, говоря, что Туртукай взятъ, Суворовъ, въ этой одной фразѣ, начальнику высказывалъ все, чтобъ уразумѣть—кого онъ побѣдилъ и гдѣ находился во время боя и послѣ онаго. Нѣкоторые писатели, болѣе свѣдущіе въ военной исторіи, желая, вѣроятно, согласить смыслъ втораго стиха съ самымъ фактомъ, позволили себѣ объяснять, что Суворовъ вмѣстѣ съ Туртукаемъ *разорилъ* еще Турецкое селеніе называвшееся *Итамъ.* Такое объясненіе есть вымыселъ, безъ всякаго основанія, и не можетъ быть допущено при знаніи всѣхъ обстоятельствъ перваго Туртукайскаго поиска и окрестностей страны, потому что ближайшими селеніями къ Туртукаю были: по Рущукской дорогѣ Туркесмель въ 12-ти верстахъ, и Коса въ 24-хъ верстахъ по Силистрійской; съ южной стороны къ городу подходилъ лѣсъ.

Фуксъ, предлагая, въ своемъ сборникѣ анекдотовъ, Туртукайское донесеніе и отзывъ о Суворовѣ Графа Румянцова Императрицѣ, едвали не былъ первый давшій извѣстность—и тому, и другому. По званію секретаря Князя Италійскаго, онъ могъ, разсчитывая на свой авторитетъ, и не доискиваясь до истины, передать слышанное имъ отъ изустныхъ разсказчиковъ. Прочіе писатели, повѣривъ Фуксу на слово, повторили разсказъ, не замѣтивъ несообразности въ смыслѣ втораго стиха съ самымъ фактомъ.

Между тѣмъ, настоящее краткое донесеніе Генералъ-Маіора Суворова о Туртукайскомъ дѣлѣ, оставаясь до сихъ поръ неизвѣстнымъ, состояло въ словахъ: «Ваше Сіятельство, мы побѣдили! Слава Богу, слава Вамъ!» и

было послано отъ Суворова не графу Румянцеву, съ которымъ, въ то время, онъ не имѣлъ никакихъ сношеній, а графу Салтыкову, у котораго Суворовъ былъ подъ командою. Графъ Салтыковъ могъ, съ своей стороны, увѣдомить о немъ графа Румянцева, но не посылалъ ему оригинальнаго. Самое открытіе дѣла о двухъ поискахъ Суворова на Туртукай въ 1773 году, въ военно-походномъ Архивѣ графа Румянцева Задунайскаго, нисколько не можетъ послужить опорою для тѣхъ, которые бы вздумали утверждать, что означенное донесеніе не могло оставаться неизвѣстнымъ Румянцеву, когда все дѣло находилось у него въ Архивѣ. Въ семъ случаѣ, полагаемъ не излишнимъ замѣтить, что въ помянутомъ Архивѣ, кромѣ этаго дѣла, находятся и прочія дѣла, по управленію и военнымъ дѣйствіямъ второй дивизіи въ Валахіи съ 1770 по 1773-й годъ. Какъ и почему именно—дѣла, преимущественно одной второй дивизіи, попали въ Архивъ графа Румянцева, едвали кто можетъ объяснить въ настоящее время.

Что касается до отзыва, будтобы сдѣланнаго о Суворовѣ графомъ Румянцевымъ, по случаю представленія Императрицѣ Туртукайскаго донесенія, то похвала Суворову, влагаемая Фуксомъ въ уста графа Румянцева, есть явный анахронизмъ. Для генералъ-маіора Суворова тогда только что открывался путь къ отличіямъ и извѣстности; Императрица одна лишъ угадывала въ немъ великаго Полководца; въ Европѣ и въ Россіи, имя его еще не гремѣло побѣдами и даже было ново въ рядахъ арміи. Суворовъ въ Польшѣ могъ оставить воспоминанія о себѣ, какъ о славномъ партизанѣ, какъ о бичѣ конфедератовъ; но для Европей-

ской извѣстности ему нужно было прожить еще десятки лѣтъ и совершить блистательныя кампаніи въ Турціи, Польшѣ, Италіи и Швейцаріи. Впрочемъ есть одинъ рапортъ отъ Графа Румянцева Военной Коллегіи, 14-го Апрѣля 1774 года, въ которомъ онъ, по случаю назначенія Суворова въ корпусъ войскъ А. И. Бибикова, собиравшійся въ Казани, просилъ оставить Суворова въ его арміи. Къ сему Румянцевъ не былъ во все побуждаемъ мыслію, что назначеніе Суворова придастъ много гласности мѣрамъ, предпринимаемымъ правительствомъ противъ Пугачева, а полагалъ, что отозваніе Суворова изъ Гирсова будетъ замѣчено въ Силистріи и ободритъ непріятеля въ нападеніяхъ на этотъ пунктъ. При томъ, это представленіе послѣдовало годъ спустя послѣ пребыванія Суворова въ арміи Румянцева, и послѣ дѣлъ при Туртукаѣ и Гирсовѣ.

Наконецъ послѣдній вопросъ: былъ ли Суворовъ преданъ военному суду за Туртукайскій поискъ, не заслуживаетъ даже, что бы на немъ останавливать вниманіе. Подвигъ 10-го Мая, въ связи съ общими операціями въ Валахіи войскъ второй дивизіи, самъ за себя говоритъ; Румянцевъ не имѣлъ никакихъ причинъ къ неудовольствію на Суворова, примѣрнымъ образомъ исполнившаго волю своего начальника, и едва ли, при томъ, настоитъ надобность доказывать неосновательность его Біографовъ. Если даже и допустимъ, вопреки фактовъ и хода дѣлъ на театрѣ войны, что Румянцевъ не находилъ надобности въ произведеніи поиска на Туртукай 10-го Мая, то неудовольствіе его должно было излиться на графа Салтыкова; Суворовъ же, какъ исполнитель приказанія

своего начальника, былъ въ семъ дѣлѣ постороннимъ для главнокомандующаго.

Письмо Румянцева Обрѣзкову отъ 17 мая можетъ служить лучшимъ доводомъ для опровержения неосновательности этого разсказа.

Но изъ этого вопроса раждается новый: съ чего могло притти на мысль нѣкоторымъ писателямъ возводить подобную клевету на Румянцева? Сколько можно догадываться, поводомъ къ тому было дѣйствительное негодованіе главнокомандующаго на Суворова, за несогласіе, происшедшее между нимъ и Каменскимъ въ маѣ мѣсяцѣ 1774 года, при движеніи командуемыхъ ими дивизій къ Базарджику. Біографы, вѣроятно, смѣшали факты и чрезъ то впали сами и ввели общественное мнѣніе въ ошибку.

Оставимъ на время Суворова въ Негоештахъ, и бросимъ взглядъ на дѣйствія второй дивизіи и главныхъ силъ, въ промежутокъ времени между первою и второю экспедиціями Суворова на Туртукай. Около того времени, когда Суворовъ истребилъ Туртукай, во второй дивизіи сдѣланъ, какъ выше сказано, рядъ поисковъ; изъ числа ихъ, поискъ на Марутянскій лагерь былъ неудаченъ. Начальникъ отряда, полковникъ князь Рѣпнинъ, со многими офицерами и рядовыми былъ взятъ въ плѣнъ.

Главнокомандующій, похваляя дѣло Суворова, весьма огорченъ былъ неудачею князя Рѣпнина. Оставленіе въ рукахъ непріятеля судна съ начальникомъ ему казалось предательствомъ со стороны подчиненныхъ. Приказавъ по сему обстоятельству произвести изслѣдованіе, Румянцевъ не упустилъ случая, чтобы не замѣтить графу Салтыкову, что никакое соображеніе не могло быть

хуже того, которымъ онъ руководился въ поискѣ на Марутянскій лагерь, ибо атаковать лагерь, составлявшій авангардъ непріятельскихъ войскъ въ Рущукѣ находящихся, прилично было значительнымъ силамъ, а не малому отряду, который, въ семъ случаѣ, явно былъ преданъ въ жертву многочисленному непріятелю.

Послѣ произведенныхъ въ первой половинѣ мая поисковъ, снова наступило бездѣйствіе въ Валахіи. Успѣхъ Туртукайской экспедиціи, хотя и представлялъ полную возможность посылать партіи, изъ устья Аржиша на противоположный берегъ Дуная, для отрѣзанія сообщенія водою Рущука съ Силистріею, однако же графъ Салтыковъ этимъ не воспользовался. Суда непріятельскія по прежнему имѣли свободное по Дунаю плаваніе. Около 20 мая, графъ Румянцевъ, усмотря изъ донесеній, что изъ Рущука внизъ по Дунаю отплывало много Турецкихъ судовъ, полагалъ, что непріятель, въ слѣдствіе сдѣланныхъ, можетъ быть, ему открытій плѣнными отряда полковника князя Рѣпнина, намѣренъ былъ предпринять нападеніе на нашу сторону, гдѣ нибудь ниже Туртукая, и потому предписано было графу Салтыкову разузнать—на какомъ пунктѣ своего расположенія непріятель себя ослабилъ, и воспользоваться тѣмъ для нанесенія ему вреда. Приказаніе это, подобно другимъ, исполнено не было.

Въ такомъ состояніи находились дѣла до 25 мая. Генералъ-маіоръ Вейсманъ, переправясь чрезъ Дунай 23 числа, приближался, около этаго времени, отъ Бабадага къ Карасу.

Главнокомандующій, имѣя въ виду озаботить непріятеля выше Силистріи по Дунаю расположеннаго, съ тѣмъ, чтобы, удержавъ его въ прежнемъ положеніи,

не дозволить послать войскъ съ верхняго Дуная въ подкрѣпленіе дѣйствовавшимъ противъ Вейсмана, приказалъ графу Салтыкову выйти изъ лагеря предъ Рущумкоъ, и сдѣлать демонстрацію на крѣпость Турно; а на прочихъ пунктахъ расположенія второй дивизіи, приступить снова къ производству экспедицій за Дунай. Внезапное оставленіе лагеря нашими войсками, къ бездѣйствію которыхъ Турки привыкли въ теченіе почти мѣсяца, и угроженіе крѣпости, которая положеніемъ своимъ пораждала опасенія въ непріятелѣ, въ теченіи предшествующихъ кампаній, не могли не внушить въ непріятелѣ безпокойства. Съ своей стороны, графъ Салтыковъ пріобрѣталъ чрезъ то средства скрывать свои силы и намѣренія. Чтобъ еще сильнѣе утвердить непріятеля во мнѣніи о рѣшительности нашей штурмовать крѣпость Турно, сдѣлано распоряженіе о заготовленіи жителями туровъ, лѣстницъ, фашинъ и проч. и указаны мѣста для склада матеріаловъ. На самомъ же дѣлѣ, всѣ работы ограничивались построеніемъ плотовъ на рѣкѣ Ольтѣ и заготовленіемъ лѣса для потребностей войскъ. — Въ экспедиціи за Дунай предназначались отряды: генералъ-маіора Суворова на Туртукайскій лагерь, и полковника Уварова на г. Ореву. Ниже увидимъ, что обѣ эти экспедиціи не состоялись.

Въ то же время, на среднемъ Дунаѣ, ниже крѣпости Силистріи, дѣйствія состояли въ слѣдующемъ: генералъ-маіоръ Вейсманъ, разбивъ 27 мая у Карасу двѣнадцати-тысячный непріятельскій корпусъ, вошелъ въ сообщеніе съ главнокомандующимъ чрезъ Гирсовскій постъ; но самъ оставался у Карасу, въ ожиданіи перехода главныхъ силъ чрезъ Дунай.

Графъ Румянцевъ, между тѣмъ, прибывъ съ главными силами на берегъ Дуная противу Гирсова, осмотрѣлъ 1-го іюня переправу чрезъ рѣку, нашелъ ее чрезвычайно затруднительною, по причинѣ большой ширины Дуная въ томъ мѣстѣ, и несмотря на то рѣшился переправляться. Для ускоренія переправы, сдѣлано было распоряженіе оставить тяжелые обозы на лѣвой сторонѣ Дуная, а чтобы еще болѣе поощрить армію къ облегченію себя отъ излишнихъ повозокъ, фельдмаршалъ не приказалъ переправлять и своихъ экипажей. Генералъ-маіору Вейсману предписано оставаться въ прежней позиціи и наблюдать дорогу въ Базарджикъ, при движеніи противъ него непріятеля въ превосходныхъ силахъ — отступать къ Гирсову, а если Турки направятся къ Дунаю, минуя его, то вытти имъ въ тылъ, въ то время, когда они начнутъ переправляться на нашу сторону и разбить ихъ.

Графу Салтыкову дано повелѣніе развлекать вниманіе непріятеля демонстраціями и производить экспедиціи за Дунай. Генералъ Потемкинъ долженъ былъ дѣйствовать, такъ же какъ и Графъ Салтыковъ, до тѣхъ поръ пока будетъ производиться переправа; когда же главныя силы, соединясь въ Гирсовѣ съ корпусомъ Вейсмана, пойдутъ къ Гуробаламъ, и далѣе къ Силистріи, то Потемкину сдѣлать нападеніе на ближайшій непріятельскій постъ ниже Силистріи, переправиться тамъ чрезъ Дунай и присоединиться къ главнымъ силамъ.

Вскорѣ затѣмъ—главнокомандующій, получа донесеніе отъ генералъ-маіора Вейсмана, что дорога отъ Гирсова къ Силистріи неудобна для движенія артиллеріи, и что переправа у Гуробалъ представляетъ ме-

нѣе затрудненій, нежели у Гирсова, сдѣлалъ новыя распоряженія: генералу Вейсману назначено 7-го іюня отъ Карасу подойти къ Гуробаламъ, и атаковать находившійся тамъ 6,000-ый непріятельскій отрядъ съ тылу, въ то время когда генералъ-поручикъ Потемкинъ ударитъ на него съ фронта отъ рѣки. 7-го іюня, очищено сел. Гуробалы и непріятель бѣжалъ къ Силистріи. 10-го іюня, главныя силы подошли къ Дунаю. 11-го, началась переправа, а 12-го, двинуты къ крѣпости Силистріи корпуса генералъ-поручиковъ Ступишина и Потемкина. Въ авангардѣ ихъ шелъ герой Вейсманъ.

Османъ-Паша, стоявшій лагеремъ выше Силистріи, по полученіи извѣстія о взятіи Гуробалъ и переправѣ русскихъ войскъ чрезъ Дунай, перешелъ оттуда на дорогу изъ Силистріи въ Гуробалы и занялъ новый лагерь въ 5-ти верстахъ предъ крѣпостью. Силы его простирались до 10,000. Лагерь былъ укрѣпленъ.

Авангардъ генералъ-маіора Вейсмана, пройдя дефиле образуемое озеромъ Галицею, горами и берегомъ Дуная, первый принялъ на себя атаку непріятеля. Подошедшіе затѣмъ корпуса генералъ-поручиковъ Ступишина и Потемкина выбили непріятеля изъ лагеря, преслѣдовали его до садовъ Силистрійскихъ и заняли лагерь въ 3-хъ верстахъ отъ города.

13-го іюня, окончана переправа главныхъ силъ, которыя расположились 4 версты не доходя лагеря передовыхъ корпусовъ. 15-го, корпусъ генералъ-поручика Потемкина подвинутъ ближе къ городу, а остальныя войска стали предъ самыми садами крѣпости. Произведенныя, въ продолженіи 15-го и 17-го іюня, рекогносцировки показали, что крѣпость ле-

жить у подошвы горъ на самомъ берегу Дуная; горы покрыты лѣсомъ и изрыты глубокими оврагами. Закрытое и пересѣченное свойство мѣстности окрестностей Силистріи способствовало непріятелю производить вылазки и затрудняло расположеніе и дѣйствіе нашихъ войскъ. Предъ городомъ находилась крутая ретраншированная гора, занятая сильнымъ корпусомъ. Не уничтоживъ эту преграду, нельзя было приступить къ городу. Графъ Румянцевъ назначилъ атаку сего ретраншамента на 18-е число. Выбранные изъ полковъ охотники, подъ начальствомъ генералъ-маіора Игельштрома, составили одну колонну. Полки Ширванскій и Кабардинскій съ баталіономъ гренадеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вейсмана, другую колонну; наконецъ, полки 1-й гренадерскій и Куринскій, съ гренадерскимъ баталіономъ подполковника графа Румянцева, подъ командою генералъ-поручика Ступишина, составляли резервъ этихъ колоннъ. Въ ночь на 18-е число, колонны расположились скрытно у подошвы ретраншамента и предъ городомъ. Корпусъ генералъ-поручика Потемкина долженъ былъ дать сигналъ къ атакѣ передовымъ колоннамъ и поддержать ихъ во время дѣйствій. 18-го Іюня, на разсвѣтѣ, огонь съ нашихъ батарей возвѣстилъ начало боя. Шесть часовъ спустя, ретраншаментъ былъ занятъ генералъ-маіоромъ Вейсманомъ и защитники его истреблены.

Въ это время, Главнокомандующій, прибывъ въ ретраншаментъ, приказалъ генералъ-поручику Ступишину итти съ своимъ резервомъ въ главный корпусъ, а самъ занялся съ генералъ-маіоромъ Вейсманомъ расположеніемъ новыхъ батарей противъ города, какъ

вдругъ пришло извѣстіе, что непріятель въ большихъ силахъ наступаетъ въ тылъ арміи по Базарджикской дорогѣ. Дивизія генералъ-поручика Потемкина тотчасъ была двинута на встрѣчу 7,000-му корпусу Турокъ, отряженному къ Силистріи Нюманомъ-Пашею, который самъ съ 20,000 чел. находился уже не далѣе 30 верстъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ, приблизясь къ Турецкому корпусу, нашелъ тамъ бой въ полномъ разгарѣ. Непріятель атаковалъ Ступишина въ то время, когда корпусъ его возвращался изъ ретраншамента въ лагерь. Прибытіе Потемкина рѣшило бой въ нашу пользу.

Въ тотъ же день, гарнизонъ крѣпости, ободренный прибытіемъ свѣжихъ силъ, сдѣлалъ сильную вылазку и принудилъ колонну Игельштрома, назначенную для штурма города, отступить. Фельдмаршалъ, полагая, что Визирь, отрядивъ корпусъ Нюманъ-Паши въ подкрѣпленіе гарнизона Силистріи, самъ слѣдовалъ за нимъ, рѣшился немедленно отступать. Вейсману приказано было очистить ретраншаментъ въ ночь на 19-е іюня и вступить въ лагерь. Выпавшій затѣмъ большой дождь 19-го числа удержалъ войска наши предъ Силистріею во весь день. 20 го іюня, армія двинулась назадъ и расположилась лагеремъ въ 6-ти верстахъ отъ крѣпости.

Въ тотъ же день, фельдмаршалъ, получивъ отъ войскъ, прикрывавшихъ переправу и оставленныхъ въ дефиле на дорогѣ изъ Гуробалъ въ Силистрію, извѣстіе, что усмотрѣнъ большой непріятельскій лагерь между селеній Кучукъ и Буюкъ-Кайнарджи, приказалъ генералъ-квартирмейстеру, генералъ-маіору Муромцеву произвести рекогносцировку, а 21-го іюня двинулъ

туда Вейсмана съ десятью баталіонами и пятью кавалерійскими полками. 22-го іюня Вейсманъ атаковалъ Турокъ въ сильномъ ихъ лагерѣ, разбилъ ихъ, и этимъ подвигомъ, обезпечивъ обратную переправу фельдмаршала за Дунай, палъ въ бою прострѣленный ружейною пулею въ руку, грудь и сердце, въ тотъ самый моментъ, когда, ободряя солдатъ, въѣхалъ въ первую шеренгу передняго фаса, прорваннаго Турками каре.

Турецкимъ корпусомъ предводительствовалъ Нюманъ Паша. Въ составѣ корпуса находилось десять тысячь лучшей турецкой пѣхоты. Намѣреніе Паши было истребить русскую армію, въ содѣйствіи съ Силистрійскимъ гарнизономъ; и для того, въ самый день своего пораженія, предположилъ онъ занять окружающія высоты Дервентскія и ударить на русскую армію, въ то время, когда она войдетъ въ дефиле между Силистріею и Гуробалами.

Послѣ пораженія Турокъ 22-го іюня, фельдмаршалъ, 27-го іюня, переправился обратно на лѣвую сторону Дуная. Побудительными причинами къ тому были: изнуреніе кавалеріи и недостатокъ фуража.

Перенесемся къ Суворову въ Негоешты: послѣ 10-го мая, давъ своимъ регулярнымъ войскамъ отдыхъ, онъ изрѣдка посылалъ партіи казаковъ на правую сторону Дуная, а самъ, между тѣмъ, старался примѣчать не найдется ли кто между его офицерами способнымъ къ партизанскимъ дѣйствіямъ. Отъ него требовали содѣйствія генералъ Потемкинъ и графъ Салтыковъ. Суворовъ, готовый на все, признавалъ недостаточнымъ ограничивать наши дѣйствія тревоженіемъ непріятеля небольшими партіями казаковъ; по его мнѣнію, дол-

жно было стать твердою ногою на правой сторонѣ Дуная, и распространять набѣги какъ можно далѣе во внутрь страны. Желая по сему случаю объясниться съ графомъ Салтыковымъ, и сказать нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ Потемкина, которыя онъ находилъ опасными, Суворовъ, 14-го мая, отъѣхалъ изъ Негоештъ.

Возвратившись, 17-го мая, изъ Станештскаго лагеря къ своему посту, и не успѣвъ убѣдить графа Салтыкова усилить его пѣхотою, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своей флотиліи, укрѣпленія и артиллеріи. Въ гребцы на суда вытребовалъ онъ жителей, а для исправленія судовъ—мастеровъ, знающихъ строительную часть; въ Негоештскомъ укрѣпленіи, мѣстами обвалившемся, и по выраженію Суворова, походившемъ на турецкій ретраншаментъ, брустверъ возвышенъ, крутости одѣты фашинами, положены штурмфалы, усилены и углублены рвы и выкопаны волчьи ямы. Артиллерія пополнена зарядами, укомплектована прислугою, усилена двумя 8-ми фунтовыми единорогами, а подъ турецкія пушки построены лафеты. Приготовивъ такимъ образомъ средства для обороны, онъ доносилъ графу Салтыкову, что Туртукайскій лагерь увеличивается ежедневно, и что туда безпрестанно прибывали войска, и сухимъ путемъ и водою, между тѣмъ какъ у него пѣхоты подъ ружьемъ было только 650 человѣкъ.

Графъ Салтыковъ, побуждаемый Румянцевымъ отрѣзать коммуникацію непріятеля по Дунаю, предписалъ Суворову 25 мая сообразить — какъ лучше исполнить волю Главнокомандующаго, и если можно, сдѣлать второе нападеніе на Туртукайскій лагерь. 27 мая, Суво-

ровъ, произведя рекогносцировку мѣстъ, прилежащихъ къ устью Аржиша, и противоположнаго берега, нашелъ, что, для пресѣченія сообщенія Дунаемъ Силистріи съ Рущукомъ, должно было занять островъ, лежащій противъ Туртукайскаго урочища такимъ числомъ пѣхоты и артиллеріи, чтобы оборона его была довольно самостоятельна и утвердиться на правой сторонѣ Дуная, безъ чего удержаніе острова за собою было бы затруднительно.

Разсуждая о вторичной экспедиціи за Дунай, Суворовъ представлялъ Графу Салтыкову, что ограничивая цѣль новаго поиска, подобно произведенному 10 мая, разбитіемъ непріятеля, мы не достигнемъ того, чтобы овладѣть теченіемъ Дуная, ибо ничто не воспрепятствуетъ Туркамъ снова вернуться къ Туртукайскому урочищу и мѣшать нашимъ предпріятіямъ на Дунаѣ. Между-тѣмъ, труды и опасности для отряда будутъ тѣ же, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ возвратится послѣ поиска, такъ и въ томъ, если утвердится на правой сторонѣ Дуная. Съ расширеніемъ цѣли и круга дѣйствій экспедиціи за Дунаемъ, необходимо было увеличить силы отряда, чтобы онъ былъ въ состояніи отражать нападенія Турокъ съ трехъ сторонъ, отъ Силистріи, Шумлы и Рущука, и производить набѣги во внутрь края; въ противномъ случаѣ, успѣхъ на правой сторонѣ Дуная тѣмъ болѣе могъ быть сомнителенъ, что изъ обстоятельствъ благопріятствовавшихъ экспедиціи 10 мая, мы на своей сторонѣ имѣемъ только одно: храбрость нашихъ войскъ; на внезапность же нападенія уже нельзя болѣе разсчитывать, потому что непріятель былъ чрезвычайно бдителенъ и остороженъ.

Не взирая на основательность этихъ соображеній, Графъ Салтыковъ не уважилъ ихъ, донесъ Главнокомандующему, что Суворовъ отказался отъ вторичнаго поиска за Дунай, а Суворову предписалъ оставаться въ Негоештахъ. Готовясь самъ начать движеніе къ сторонѣ Турна, онъ предупредилъ Суворова не надѣяться на пособіе отъ дивизіи, и при нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ, ожидать подкрѣпленія отъ Генерала Потемкина.

Оскорбился ли Суворовъ невниманіемъ къ его рвенію, или ему не понравилось оборонительное положеніе противъ непріятеля имъ презираемаго, больной и ослабленный продолжительною лихорадкою, онъ не хотѣлъ болѣе оставаться въ Негоештахъ, и 29 мая писалъ Салтыкову: «Ваше Сіятельство изготовляетесь на наступательное, а меня здѣсь оставлять изволите. Нижайше прошу, милостивый государь, взять меня къ себѣ, а на мое мѣсто сюда опредѣлить кого изъ младшихъ меня. Милостиво и сами разсудите, сколько мнѣ и такъ обидно, что у Текелли (*).... а онъ меня моложе. На сію Вашего Сіятельства милость твердо уповаю, и проч....» Вслѣдъ за письмомъ, 4 іюня, Суворовъ представилъ рапортъ о увольненіи его въ Букарестъ для пользованія отъ лихорадки. 5 іюня, когда все было готово къ отъѣзду, прибылъ въ Негоешты отъ Графа Румянцева курьеръ и вручилъ Суворову ордеръ, которымъ Главнокомандующій, въ первый разъ, вошелъ въ непосредственное съ нимъ сношеніе.

Въ то время, когда Суворовъ доносилъ Салтыкову о невозможности сдѣлать вторичный поискъ на Турту-

---

(*) Недосказано: болѣе войскъ нежели у меня.

кайскій лагерь, за малочисленностію пѣхоты, генералъ Текелли увѣдомилъ его, что непріятель, переправясь, 21 мая, чрезъ Дунай, вступилъ въ Банатъ и строилъ укрѣпленія у Калафа. Послѣдствіемъ сего извѣстія было предписаніе полковнику Уварову удержаться отъ поиска на Ореву.

Въ началѣ іюня, противъ второй дивизіи стояло сорокъ шесть тысячъ Турокъ: въ Туртукаѣ три тысячи, въ Рущукѣ пятнадцать тысячъ, въ Фиштовѣ пять тысячъ, въ Турнѣ и Никополѣ пятнадцать тысячъ и въ Виддинѣ восемъ тысячъ. Турки владѣли значительною флотиліею и двумя пунктами на лѣвой сторонѣ Дуная: крѣпостію Турно и Калафатомъ. Силы и средства непріятеля позволяли ему перейти Дунай, открыть наступательныя дѣйствія и взять въ тылъ расположеніе нашихъ войскъ въ Валахіи; но Турки не воспользовались своими преимуществами и оставались все время въ бездѣйствіи на правой сторонѣ Дуная. Съ нашей стороны, начальный планъ операцій второй дивизіи былъ отчасти приведенъ въ исполненіе; оставалось перейти Дунай, атаковать Рущукъ и тѣмъ сдѣлать диверсію въ пользу корпусовъ, дѣйствовавшихъ отъ Гуробалъ къ Силистріи. Графъ Салтыковъ, не выходя еще изъ Станештскаго лагеря, составилъ военный совѣтъ изъ бывшихъ при дивизіи Генераловъ, и предложилъ на ихъ обсужденіе этотъ вопросъ. Мнѣніе Каменскаго, хотя и удостоенное одобренія Главнокомандующаго, къ исполненію принято было не вполнѣ, по причинѣ недостатка въ судахъ во второй дивизіи. Согласно сему мнѣнію, Графъ Салтыковъ долженъ былъ, присоединя къ себѣ отрядъ Текелли, сдѣлать демонстрацію къ обложенію Турна, дабы заста-

вить Турокъ сосредоточить войска къ Никополю; за тѣмъ—онъ долженствовалъ увеличить гарнизонъ Журжи, занять ближайшіе острова къ Рущуку, построить на нихъ батареи, разбить или отогнать прочь турецкія суда тамъ находившіяся, и потомъ, на приготовленной флотиліи, переправиться съ дивизіею гдѣ либо выше этой крѣпости и атаковать ее. 3-го іюня, дивизія подошла къ крѣпости Турно; а 8-го снова обратилась къ Журжѣ, съ намѣреніемъ произвести 10-го числа нападеніе на Рущукъ. Генералъ Текелли занялъ позицію при устьѣ Калмацуя для наблюденія за крѣпостью Турно. Генералъ Суворовъ долженъ былъ содѣйствовать предпріятію Салтыкова посредствомъ экспедиціи на Туртукайское урочище.

Упомянутымъ выше ордеромъ, Румянцевъ, увѣдомивъ Суворова, что Салтыкову предписано усилить Негоештскій отрядъ пѣхотою, приказывалъ ему сдѣлать нападеніе на Туртукайскій лагерь, если не встрѣтитъ затрудненій; въ противномъ случаѣ, ограничиться демонстраціями, имѣвшими цѣлью не допустить непріятеля послать часть войскъ въ пособіе Силистрійскому гарнизону. Четыре дня спустя, то есть 8-го іюня, вторымъ ордеромъ, Румянцевъ, отмѣняя нападеніе на Туртукай, если оно еще не произведено, приказывалъ Суворову спуститься на судахъ къ Чиканештамъ и занять непріятеля демонстраціями, сколько собственное усмотрѣніе и искусство могутъ его въ томъ руководить. Главнокомандующій признавалъ надобность въ подобномъ дѣйствіи, для того, что бы развлечь вниманіе гарнизона Силистріи, въ то время, когда корпуса Ступишина и Потемкина приблизятся къ городу.

Эти ордера и послѣдовавшіе за ними, послѣ второй экспедиціи Суворова, суть единственные документы непосредственныхъ сношеній Главнокомандующаго съ Суворовымъ во все время пребыванія послѣдняго во второй дивизіи до 10-го іюля. Они писаны прямо Суворову, во избѣжаніе напрасной потери времени, что̀ неминуемо послѣдовало бы если тѣ же приказанія ему переданы были чрезъ Графа Салтыкова.

Распоряженіе Румянцева одушевило Суворова и заставило на время забыть самую болѣзнь. На другой день послѣ того, какъ Суворовъ просилъ для себя увольненія въ Букарестъ, онъ писалъ Салтыкову, что чувствуетъ себя здоровѣе, оставляетъ по прежнему командованіе отрядомъ за собою, и съ разсвѣтомъ 6-го іюня, пойдетъ къ Дунаю, гдѣ, остановясь на высотахъ урочища Ольтеницъ, будетъ ожидать назначенной къ нему въ подкрѣпленіе пѣхоты. Въ письмѣ отъ 6-го іюня, Суворовъ, между прочимъ, говоритъ: «Вчера я вышелъ изъ жестокой лихорадки, завтра того же ожидаю.»

Графъ Салтыковъ, подтверждая повелѣніе Главнокомандующаго, требовалъ сверхъ того, что бы Суворовъ, по разбитіи Турокъ въ Туртукайскомъ лагерѣ, двинулся правымъ берегомъ Дуная къ Рущуку, куда, какъ мы видѣли, и самъ онъ намѣревался переправиться 10-го іюня; въ подкрѣпленіе Негоештскому отряду послалъ онъ одинъ баталіонъ Апшеронскаго полка и одну роту гренадеръ съ двумя пушками. Суворовъ, ссылаясь на бдительность непріятеля, просилъ втораго баталіона Апшеронскаго полка и легкихъ войскъ; однако не успѣвъ въ своемъ требованіи, изготовилъ диспозицію на 7-е іюня для экспедиціи за

Дунай, сообщилъ ее отряду къ исполненію, и вдругъ, сдавъ команду старшему по немъ полковнику Князю Мещерскому, донесъ Графу Салтыкову о своемъ отъѣздѣ и уѣхалъ въ Букарестъ. Обстоятельство, побудившее Суворова оставить отрядъ, въ то время, когда онъ близокъ былъ исполнить свое намѣреніе, чрезвычайно темно: въ оффиціальной его перепискѣ ни гдѣ о томъ неупоминается. Въ частныхъ письмахъ есть указаніе на причину негодованія Суворова. Постараемся сколь возможно объяснить этотъ фактъ.

Борясь съ болѣзнію, Суворовъ диктовалъ самую диспозицію въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Полковникъ Князь Мещерскій, старшій по немъ въ отрядѣ, принялъ отъ него диспозицію и сообщилъ ее войскамъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, въ лагерѣ ударили подъемъ; войска построились въ колонны; флотилія, готовая перенести отрядъ къ побѣдѣ, вошла въ Дунай. Въ это самое время, Князь Мещерскій, желая заблаговременно ознакомить начальниковъ частей съ нѣкоторыми распоряженіями на лѣвомъ берегу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозрѣть противную сторону, пригласилъ ихъ поспѣшить прежде колоннъ на берега Дуная и Аржипа. Прибывъ туда, они вдругъ усматриваютъ, что противная сторона покрыта множествомъ непріятельскихъ войскъ, теряютъ бодрость и едино-гласно признаютъ невозможнымъ сдѣлать переправу. Суворовъ, огорченный нерѣшительностью своихъ сподвижниковъ, уѣхалъ.

Къ сожалѣнію, диспозиція для атаки на 8-е іюня не сохранена, и эта утрата тѣмъ болѣе для насъ чувствительна, что атака Туртукайскаго лагеря, въ ночь съ 17-го на 18 іюня, была произведена по той же самой диспозиціи.

Письма Александра Васильевича по сему случаю къ Салтыкову, отъ 8-го и 9-го іюня, могутъ служить лучшими объясненіями на изложенное обстоятельство; притомъ, они вполнѣ рисуютъ состояніе духа и положеніе Суворова въ то время. Вотъ письмо отъ 8-го іюня изъ Букареста: «сего числа я сюда привезенъ, день мой, насилу брожу. Ежели впредь какому быть съ кочующими на Туртукайской горѣ, непремѣнно должно, чтобъ Ваше Сіятельство изволили прислать и второй Апшеронскій баталіонъ, хотя и на первый случай. Прибывшій баталіонъ неимѣетъ въ себѣ полъ-баталіона.

«Прошлая ночь была пустая. Дѣло было полъ дѣла противъ прошлаго. Маневръ къ атакѣ былъ прекраснѣйшій, войска для вступленія въ оной надвинуты были по ихъ лагерямъ. Флотилія 30-ть лодокъ для лѣвой атаки, 4 чайки для правой съ острова уже были въ рукавѣ. J'ai horreur de Vous dire le reste. Votre Excellence devinera d'Elle même, que cela reste entre nous; moi, vagabond, je ne veux point ici d'ennemis, hormis que l'indignation pour quelque tems ne manquera pas. и пр.

Письмо отъ 9-го іюня: «Съ двухъ ордеровъ Вашего Сіятельства отъ 7-го и 8-го сего мѣсяца сообщилъ мнѣ сюда за извѣстіе копію г-нъ полковникъ Князь Мещерскій. Ордеръ отъ 8-го быть такъ! а что отъ 7-го подлинно мнѣ дѣлаетъ другую лихорадку. Благоволите Ваше Сіятельство разсудить, могу ли я уже снова надъ такою подлою трусливостію команду принимать, и не лучше ли мнѣ гдѣ - на крылѣ примаючить, нежели подвергать себя фельдфебельствомъ моимъ до стыда видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы. Г. Б. причиною

всему, всѣ оробѣли и до Каппера. Я чуть имѣлъ движеніе!... Какой это позоръ! Всѣ оробѣли, лица не тѣ! Бога ради, Ваше Сіятельство, сожгите письмо. Опять симъ напоминаю, что я здѣсь непріятеля не хочу, и лучше все брошу нежели бы его имѣть пожелалъ. Каторга моя въ Польшѣ, за мое праводушіе, всѣмъ разумнымъ знакома. Есть еще Графъ Иванъ Петровичь способъ, соизвольте на время прислать къ нашимъ молодцамъ потверже Генералъ-Маіора; всякой здѣсь меня моложе, онъ можетъ ко мнѣ заѣхать, я ему дамъ диспозицію: (той нѣтъ у рукъ, что я диктовалъ въ безпамятствѣ, она хороша!) Прикажите ему только смѣло атаковать. Г. Б. за чѣмъ нибудь, между тѣмъ, отзовите. Да пришлите еще пару на сіе время смѣлыхъ, мужественныхъ штабъ-офицеровъ пѣхотныхъ. Сегодняшняя лихорадка была слава Богу полегче, потѣлъ только около 4-хъ часовъ. Боже мой! когда подумаю, жилы рвутся! остаюсь и проч.»

Въ отсутствіе Суворова изъ Негоештъ, Князь Мещерскій ни на что не рѣшался: экспедиція за Дунай казалась ему невозможною по многочисленности непріятеля; отплыть къ Чиканештамъ, какъ предписывалъ Главнокомандующій, ордеромъ отъ 8-го іюня, онъ находилъ также опаснымъ, потому что непріятель, усмотря это, могъ напасть на Негоешты. Ограничивая свои дѣйствія демонстраціею, Мещерскій занялъ лагерь ближе къ Дунаю, построилъ батарею въ устьѣ Аржиша, для обстрѣливанія судовъ, проходившихъ мимо Туртукайскаго урочища, и посылалъ по ночамъ на правую сторону Дуная небольшія партіи казаковъ, которыя, возвращаясь со свѣтомъ, доставляли одни и тѣ же извѣстія: что непріятель весьма бдителенъ и,

при малѣйшей попыткѣ, пристать къ берегу, пикеты его даютъ сигналъ и Турки сбѣгаются большими массами къ рѣкѣ.

Суворовъ, между тѣмъ, будучи томимъ болѣзнію и горя нетерпѣніемъ возвратиться къ своему посту, опасался, чтобъ, въ его отсутствіе, не миновалась надобность въ экспедиціи, и чтобъ Турки не ободрились, видя приготовленія къ оной оставленными. Занятый этими мыслями, онъ не переставалъ соображать обстоятельства, которыя могли благопріятствовать успѣху, и продолжалъ сноситься съ Графомъ Салтыковымъ. 10-го іюня, онъ писалъ: «Votre Excellence! J'apprehende fort, que du coté de Tourtoukay les opérations ne se ralentissent; ma maudite fièvre en fait les empéchements. Je fus obligé de suer hier une seconde fois; J'espere d'aboutir à a fin pour la semaine à venir et Dieu le veuille! Pr. M. est fort honnete homme, mais il n'est pas encore en coutume de commander. Bat: le serait de même, mais p. et à cela il vise; cela donne de l'influence et qú en attendant cela n'empeste pas, malheureusement, les troupes. Les Turcs prennent courage, voyant les préparatifs de l'attaque retombés dans le néant. Encore prie-je Votre Excellence, si Vous ne commencez pas avec Roustchouk avant Tourtoukay et la combinaison des troupes de Nigoeste, tâchez de faire venir le dimanche prochain dans notre camp le deuxieme bataillon d'Abscheronsky, c'est pour renforcer les opérations de Tourtoukay, c'est pour aboutir à une meilleure réussite Vous aurez après toutes ces troupes a Vous, à la piste par eau et par terre. Ce bataillon là ne doit point avoir d'artillerie. J'assure Votre Excellence, c'est pour marcher á pas plus sûrs. Je reste....»

Второй баталіонъ Апшеронскаго полка, который такъ сильно Суворовъ домогался имѣть у себя, прибылъ въ Негоешты. 14-го числа возвратился туда и

самъ Суворовъ и въ тотъ же день писалъ Графу: «Мнѣ немного лучше, хочу начать попытку и въ завтрашнюю ночь. Ежели Богъ благословитъ успѣхъ, повелите ли съ судами и людьми, оставивъ немного въ Негоештахъ, подняться къ Журжѣ?»

Найдя отрядъ въ Ольтеницахъ, Суворовъ назначилъ ночь съ 17-го на 18-е іюня для втораго поиска на Туртукайскій лагерь. Диспозиція, отданная имъ на 6-е іюня, служила основаніемъ для второй дополнительной, которую помѣщаю здѣсь вполнѣ: «*Диспозиція атаки на кочующихъ на Туртукайской горѣ, на основаніи прежней, прибавляя къ тому*»:

1-е, Всѣ пѣхотныя надлежатъ раздѣлены быть на взводы въ 6-ть рядовъ; такъ переправляются на судахъ, и пойдутъ быстро и мужественно на атаку взводною колонною, взводы намыкая въ раздѣленіяхъ колонны одинъ на другой, и задніе напихивая на передніе весьма. Колонна будетъ одна.

2-е, Раздѣленіе ея суть: 1-е Ребоковъ баталіонъ; Астраханскаго пѣхотнаго: двѣ роты гренадеръ, 4 мушкатеръ, егеря. (*) 2-е Батурина баталіонъ 4 роты мушкатеръ и въ срединѣ ихъ, баталіонъ Графа Мелина. 3-е Астраханскій карабинерный баталіонъ. 4-е Апшеронскій баталіонъ, гренадерская рота въ хвостѣ. 5-е всѣ Арнауты, что Генерала Потемкина, и Кашперовыхъ отъ 100 до 150. Оные дѣйствуютъ въ лѣсахъ по ихъ искусству и набѣгами и пискѣмъ не мѣшаются.

---

* Въ диспозиціи, составъ баталіона Ребока показанъ изъ 6 ти ротъ и егерей: въ реляціи же отъ 20-го іюня, Генералъ-Маіоръ Суворовъ говоритъ, что маіоръ Ребокъ шелъ въ Авангардѣ съ двумя ротами гренадеръ

Командиръ надъ оными Кашперовъ. 6-е, Ингерманландскій карабинерный полкъ на коняхъ, и 160 Леонова казаковъ, на 4 раздѣленія съ нимъ и Сенюшкинымъ. Они и для пикетовъ на той сторонѣ. Между сими отдѣленіями колонны, интервалы шаговъ по 50-ти. Конница дѣйствуетъ сама собою, и для того у Апшеронскаго баталіона гренадерская рота въ хвостѣ, да сверхъ того Г-ну Фишеру выбрать 48 стрѣлковъ на 4 отдѣленія, въ каждомъ по два урядника или ефрейтора, и у всѣхъ офицеръ. Оные дѣйствуютъ сзади по егерски, а посему Г. Фишеръ съ его баталіономъ въ арріергардѣ и резервѣ.

«3-е) Итти на прорывъ, выигрывая прежній хребетъ горы, ни мало не останавливаясь. Голова хвоста не ожидаетъ, оной всегда въ свое время поспѣетъ, какъ прежній благополучный опытъ доказалъ. Командиры

и стрѣлками. По этому должно полагать: что когда маіоръ Ребокъ, по высадкѣ на правую сторону Дуная, отдѣлился въ Авангардъ съ двумя гренадерскими ротами, то изъ остальныхъ 4 ротъ его баталіона было составлено особое каре, надъ которымъ начальство принялъ полковникъ Батуринъ. Четыре же роты Батурина баталіона, соединясь съ 200 рекрутъ Капорскаго полка, составили второе каре секундъ маіора Мелина.

Имѣя въ виду, что въ отрядѣ Генералъ-Маіора Суворова находились полки Астраханскій и Апшеронскій пѣхотные въ полномъ осьмиротномъ составѣ, надобно допустить, что изъ 4-хъ ротъ баталіона маіора Ребока составившихъ каре полковника Батурина, двѣ были Астраханскаго и двѣ Апшеронскаго полка, или всѣ четыре Апшеронскаго полка; ибо въ реляціи Суворовъ опредѣлительно говоритъ: что авангардъ Ребока и каре Мелина состояли изъ ротъ Астраханскаго полка. Считая въ двухъ каре съ авангардомъ и резервнымъ баталіономъ Апшеронскаго полка маіора Фишера 14 ротъ пѣхоты, недостаетъ затѣмъ еще двухъ ротъ. Изъ переписки не видно, котораго полка были тѣ двѣ роты, и какое онѣ имѣли назначеніе во время дѣла.

частей колонны или раздѣленій ни о чемъ не докладываютъ; но дѣйствуютъ сами собою съ поспѣшностію и благоразуміемъ. Ежели гдѣ Турки засядутъ, или будутъ набѣгать сильною толпою, то деташируютъ на нихъ зарѣзъ роту, двѣ роты. И хотя деташируется самъ частный командиръ со всѣмъ его отдѣленіемъ; но сіе безъ крайней нужды не чинить, а лучше ихъ съ крыльевъ колонны отстрѣливать, прорываясь на хребетъ горы. Буде же они ворвались бы (чего почти быть не можетъ) въ какой интервалъ марширующей колонны, то натурально, слѣдующее отдѣленіе ихъ тотчасъ выжметъ. Не ошибаться на стрѣльбу и нападенія нашихъ Арнаутъ; а онымъ для того надлежитъ кричать безпрестанно сигналъ. Съ кавалеріею придутъ одинъ единорогъ и одна трехъ-фунтовая пушка. Оныя доставить въ каре Батурина. При нихъ надлежитъ быть артиллеристовъ для подмоги двойное число. Хотя также при нихъ будутъ лошади. Зарядовъ, принадлежностей довольное число, только безъ ящиковъ. Прочія всѣ пушки закрываютъ переправу, и разставлены по берегу благоразумно; когда дѣйствіе начнется, то можно изъ нихъ стрѣлять холостыми зарядами, коихъ нарочно посильнѣе и довольно приготовить».

«4-е) Построеніе на хребтѣ горы есть слѣдующее: фронтъ на рѣку, буде изъ верхняго лагеря Турки не уйдутъ, съ праваго крыла баталіонъ Фишера, баталіонъ Астраханскій карабинерный, баталіонъ Батурина, баталіонъ Ребока. Баталіоны Фишера и Ребока — въ 6-ть шеренгъ. Баталіоны Астраханскій карабинерный и Батурина, кареями. Кавалерія позади. Тожъ Казаки и Арнауты. Чего ради ударить сборъ и играть на трубахъ; построеніе когда мѣсто, съ интервалами, въ

каре лучше поставить, съ крыльевъ, по одной только ротѣ, но сильной.

Переправа: первая линія 30 лодокъ: Ребоковъ баталіонъ, Батурина съ Мелинымъ баталіонами».

Вторая линія въ 13 мачтовыхъ судовъ; Астраханскій карабинерный баталіонъ, Арнауты, ежели не будетъ довольно мѣста, то для Апшеронскаго баталіона придать чайки, которыя пойдутъ позади того баталіона, дабы линію не портить».

Каширову съ Арнаутами тотчасъ итти своею дорогою и вступать въ дѣло.

Третья линія четыре чайки: Ингерманландскій карабинерный полкъ, перемѣшиваясь съ 160 Леонова казаками; и при нихъ Леоновъ и Сенюткинъ.»

«Судамъ возвращаться съ той стороны весьма поспѣшно. И послику оныя возвращаться будутъ, то сажать на нихъ поспѣшно Ингерманландскихъ карабинеръ съ казаками смѣся. При карабинерахъ отправить и два вышереченныя орудія. Вѣстовыя лодки пополамъ на сей и на той сторонѣ.

«Атака на верхній турецкій лагерь, буде изъ онаго Турки не уйдутъ, надлежитъ быть того жъ часу по построеніи на хребтѣ горы».

«Первая линія: маіоръ Ребокъ, два эскадрона карабинеръ Ингерманландскаго, казаковъ 40».

«Вторая линія: Астраханскій карабинерный, и занимъ резервъ, Фишеръ съ Апшеронскимъ баталіономъ два эскадрона Ингерманландскаго, 40 казаковъ. Кашировъ съ Арнаутами, дѣйствуетъ по обычаю ни съкѣмъ не смѣшиваясь. На хребтѣ горы останется каре Батурина, одинъ эскадронъ Ингерманландскаго, 50 Арнаутъ, 80 казаковъ, изъ нихъ 40 для содержанія пикетовъ».

«Атаковать быстро и мужественно, разбить, отнять суда и свесть къ переправѣ на нашъ берегъ. Артиллерію турецкую весьма всю въ цѣлости забрать съ лафетами. Ежели гдѣ кучка Турокъ будетъ просить ихъ Аманъ, то давать погоню. За Турками чинить можно кавалеріею токмо осторожно и не далеко. Впро чемъ возвращаться въ прежнее построеніе на хребтѣ горы».

Весь отрядъ Суворова имѣлъ 4,100 человѣкъ. въ томъ числѣ подъ ружьемъ пѣхоты 1,720, регулярной кавалеріи на конѣ 855, Арнаутъ генералъ-поручика Потемкина 100, казаковъ полка Леонова и вновонабранныхъ 680. Въ составѣ отряда изъ регулярныхъ войскъ находились: Астраханскій и Апшеронскій пѣхотные полки, 200 рекрутъ Капорскаго полка, Астраханскій и Ингерманландскій карабинерные полки. Къ прежней артиллеріи прибавлено двѣ полковыя пушки, четыре единорога и два изъ орудій, отбитыхъ у непріятеля 10 мая, такъ что вся артиллерія состояла изъ 6-ти полковыхъ и 9-ти крѣпостныхъ орудій. На правую сторону Дуная, нынѣшній разъ, Суворовъ взялъ два орудія: часть орудій дѣйствовала съ батарей, построенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная; прочая же вся артиллерія оставалась въ Негоештахъ.

Непріятель имѣлъ при Туртукайскомъ урочищѣ два лагеря: одинъ по меньше на горѣ, нѣсколько выше того мѣста гдѣ находится городъ, а другой большой лагерь, состоявшій изъ палатокъ и шалашей, выше Туртукайскаго урочища, на низменной части праваго берега. Передъ лагерями насыпаны были укрѣпленія и батареи. Турокъ было свыше четырехъ тысячъ. Суворовъ переправилъ на правую сторону неболѣе 2,565

человѣкъ: въ этомъ счету и 1,700 пѣхоты, 320 спѣшенныхъ карабинеръ, 185 карабинеръ на конѣ и 360 казаковъ и Арнаутъ.

За три часа до наступленія ночи, стоявшая въ устьѣ Аржиша флотилія раздѣлена на три части, названныя въ диспозиціи линіями. Войска сѣли на суда и отплыли отъ берега постепенно одно отдѣленіе за другимъ Командиръ Ингерманландскаго карабинернаго полка полковникъ Норовъ оставленъ для начальствованія на лѣвомъ берегу.

Какъ только 1-я линія судовъ оставила лѣвый берегъ, наши батареи произвели пальбу, и притомъ столь удачно, что непріятель поспѣшно очистилъ противную сторону. Съ приближеніемъ судовъ къ берегу, турецкіе пикеты открыли по нимъ ружейный огонь; войска наши, не отвѣчая имъ пальбою, вышли на берегъ, построились въ шести-рядную колонну, и двинулись впередъ, взбираясь въ полномъ порядкѣ на нагорный берегъ, не смотря на множество рытвинъ и овраговъ. Взойдя на верхъ, колонна двинулась на право къ хребту горы, лежащей выше разореннаго Туртукая, и была встрѣчена изъ меньшаго турецкаго лагеря ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Шедшій въ головѣ маіоръ Ребокъ открылъ, съ своей стороны, ружейную пальбу и заставилъ Турокъ бѣжать въ безпорядкѣ изъ лагеря. Въ тоже время взошли на хребетъ горы каре полковника Батурина и секундъ маіора Графа Мелина, выстроились тамъ, и стали дожидать карабинеръ и резервнаго баталіона Фишера, которые, переправляясь на второй линіи судовъ, нѣсколько замедлили.

Турки, между тѣмъ, отошли за глубокой оврагъ и

намѣревались, пользуясь темнотою ночи, сдѣлать нечаянное нападеніе; но были предупреждены. Маіоръ Ребокъ, слѣдуя диспозиціи, двинулся впередъ съ двумя гренадерскими, тремя мушкатерскими ротами и стрѣлками, для атаки Турокъ и ретраншамента, находившагося впереди за двумя глубокими оврагами. Тамъ былъ самъ Туртукайскій, двухъ бунчужный Физулла-Сары-Паша, и съ нимъ другой Арсланъ Паша; колонна Ребока, перейдя первый оврагъ, подходила ко второму, какъ непріятель бросился оттуда на нее; но бывъ отраженъ стрѣлками и гренадерами, возвратился въ ретраншаментъ и открылъ сильный пушечный и ружейный огонь. Маіоръ Ребокъ, выдержавъ огонь, приблизился къ ретраншаменту, спустился въ ровъ, и потомъ поднявшись на высокій брустверъ, ударилъ въ штыки. Непріятель встрѣтилъ его шашками, упорствовалъ четыре часа; ожесточеніе и рѣзня были страшны. Турки бросались на русскихъ офицеровъ, которые, будучи принуждены драться на ряду съ солдатами, были переранены; но не оставляли своихъ мѣстъ. Наконецъ расторопность и храбрость начальниковъ и мужество солдатъ взяли верхъ; кичливость непріятеля уступила твердости Русскихъ, не смотря на то, что число Турокъ превосходило въ четверо силу колонны Ребока. 300 непріятелей было заколото на мѣстѣ. Отбито 4 мѣдныя пушки и лагерь.

Этотъ моментъ боя былъ рѣшителенъ. Только благоразуміе и твердость начальствующаго спасли отрядъ отъ пораженія.

Суворовъ, переправясь со вторымъ отдѣленіемъ судовъ, до сего времени не находился въ дѣлѣ. Оба каре, слѣдовавшіе за маіоромъ Ребокомъ, подчинены были

полковнику Батурину. По диспозиціи, ему должно было поддержать Ребока; но онъ этаго не сдѣлалъ, нарушилъ диспозицію и едва не испортилъ всего дѣла. Самъ Суворовъ объясняетъ это обстоятельство въ письмѣ къ Графу Салтыкову отъ 27-го іюня. «Что до г. Батурина, формально, милостивый государь, представлять отъ меня не станется; сердце не такое. Всякій полковникъ имѣетъ у себя много пріятелей, такъ и онъ въ числѣ тѣхъ меня, что до партикулярности, по которой я имъ обязанъ; что же до субординаціи, я могу сказать что онъ ее довольно наблюдалъ, кромѣ сего разу. Подкрался въ мой разъѣздъ, а я его, истинно, при заворотѣ въ Негоешты, хотѣлъ на время въ Букарестъ уволить. (*) Для того надобно, Ваше Сіятельство, его унять, паче для примѣру, ибо въ такихъ корпусцахъ, какъ теперь команды моей, строгость требуетъ величайшаго наблюденія воинскихъ правилъ. А главное неудовольствіе на г. Батурина должно быть въ томъ, что онъ своею храбростію надмень; хотѣлъ 17-го числа тамъ быть гдѣ я ему за благо не судилъ, и распоровши диспозицію при началѣ, довольно было насъ всѣхъ опасности подвергъ; по малой мѣрѣ, людей у насъ, по больше желаемаго, перепортили, въ томъ числѣ Братцева».

(*) Считаю долгомъ пояснить это обстоятельство. 24-го іюня Суворовъ отъѣхалъ въ Чикапешты для осмотра постовъ, дистанціи генерала Потемкина. Батуринъ, оставленный комендантомъ Негоештскаго укрѣпленія, просилъ Суворова уволить его для излѣченія болѣзни въ Букарестъ; отрядъ, въ то время, стоялъ лагеремъ въ устьѣ Аржиша; начальствующій имъ полковникъ Князь Мещерскій, получа разрѣшеніе Графа Салтыкова на отъѣздъ полковника Батурина, сообщилъ ему о томъ. Батуринъ, не дожидаясь возвращенія Суворова, оставилъ свой постъ и уѣхалъ въ Букарестъ.

Прибывъ на ту высоту, гдѣ маіоръ Ребокъ еще добивалъ бѣгущихъ Турокъ, Суворовъ расположилъ свой отрядъ такъ: колонна Ребока подвинута впередъ ретраншамента, и поставлена на лѣвомъ флангѣ 1-й линіи, противъ нижняго турецкаго лагеря. Изъ двухъ каре Батурина и Мелина, ослабленныхъ тремя ротами, отдѣленными въ колонну Ребока, составлено одно, и выдвинуто на правый флангъ боевой линіи, для закрытія праваго крыла со стороны Силистріи. Вторую линію боеваго порядка составили резервный баталіонъ маіора Фишера, ставшій за срединою 1-й линіи, и каре спѣшенныхъ карабинеръ полковника Князя Мещерскаго, помѣщенное за лѣвымъ флангомъ 1-й линіи къ сторонѣ Рущука. Маіоръ Кашперовъ со 100 казаками и 100 Арнаутами посланъ въ лѣвую сторону для очищенія лѣса отъ непріятеля.

Построеніе отряда окончилось, и дневной свѣтъ уже съ часъ озарялъ окрестности. Суворовъ, имѣя въ виду атаковать нижній турецкій лагерь, занялся рекогносцировкою ближайшихъ мѣстъ въ ожиданіи прибытія къ себѣ двухъ полковыхъ орудій, двухъ эскадроновъ Ингерманландскихъ карабинеръ и 160 казаковъ Леонова, переправлявшихся на третьемъ отдѣленіи судовъ. Непріятель, примѣтя это, послалъ къ переправѣ часть войскъ, которая и засѣла въ находившейся на супротивъ пустой батареѣ, дабы препятствовать высадкѣ на берегъ, ожидаемой Суворовымъ кавалеріи и орудій, а самъ повелъ на него атаку.

Подполковникъ Шемякинъ, начальствовавшій двумя эскадронами Ингерманландскихъ карабинеръ, приближаясь къ берегу, сдѣлалъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, выгналъ Турокъ изъ батареи, и подоспѣлъ

съ казаками Леонова къ отряду въ тотъ именно моментъ, когда Турки его атаковали.

Встрѣченные картечью прибывшихъ двухъ орудій, Турки повернули назадъ въ лагерь; подполковникъ Шемякинъ врубился въ бѣгущую толпу, казаки Леонова не отставали отъ карабинеръ, многихъ перекололи, овладѣли одною пушкою, прогнали непріятеля чрезъ его лагерь и преслѣдовали его верстъ пять.

Турки оставили лагерь, окопанный сильнымъ ретраншаментомъ, съ 9-ю мѣдными пушками, 35-ю судами и со множествомъ жизненныхъ запасовъ, которые всѣ были отданы отряду.

Трофеями этаго дня были 14 мѣдныхъ пушекъ и 35 судовъ. Число убитыхъ непріятелей простиралось до 800-тъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Физулла-Сары-Паша, убитый ординарцемъ Суворова сержантомъ Горшковымъ.

Съ нашей стороны, уронъ былъ не болѣе 6-ти человѣкъ убитыми, 7-ми офицеровъ и 100 рядовыхъ ранеными (*),

Отрядъ въ тотъ же день переправился на лѣвую сторону Дуная, забравъ съ собою орудія, запасы и суда.

Колонна Ребока начала бой; кавалерія довершила его; Суворову не пришлось даже ввести въ дѣло всей своей пѣхоты.

Послѣ этой экспедиціи, Суворовъ писалъ графу Салтыкову: «Милостивый: Государь, графъ Иванъ Пе-

(*) Надобно думать, что уронъ съ нашей стороны показанъ не точно; Суворовъ, въ письмѣ къ графу Салтыкову, говоритъ, что изъ одного Астраханскаго пѣхотнаго полка убыло 100 лучшихъ молодцевъ.

тровичъ! подлинно мы были вчера: veni, vidi, vici, а мнѣ—такъ первоучинка! Вашему Сіятельству и впередъ послужу; я человѣкъ безхитростный, лишь только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ» (*). Въ реляціи, особенно похваляются рекруты, которые, будучи первый разъ въ дѣлѣ, дрались съ великимъ мужествомъ.

Графъ Румянцевъ, съ своей стороны, писалъ Салтыкову отъ 20-го іюня: «По полученнымъ увѣдомленіямъ, отъ Вашего Сіятельства, о поискѣ на Туртукай и разбитіи непріятеля, дѣлавшаго покушеніе на Журжу, съ удовольствіемъ похваляю сіи добрые подвиги и въ нихъ раченіе и трудъ предводительствовавшихъ тамъ войсками: Г. г. генералъ-поручика и кавалера Каменскаго и генералъ-маіора и кавалера Суворова».

Графъ Салтыковъ, донеся Главнокомандующему, что онъ свой переходъ за Дунай будетъ сообразовать съ ходомъ операціи подъ Силистріею, оставилъ свои предположенія къ переправѣ на 10-е іюня, а Суворову предписалъ, вмѣсто движенія къ Рущуку правымъ берегомъ, прибыть къ Журжѣ съ флотиліею и отрядомъ на усиленіе его.

Суворовъ, оставя въ Пигоештахъ Капорскихъ рекрутъ Мелина, расположилъ полковника Порова съ Ингерманландскимъ карабинернымъ полкомъ между Обилештами и Пигоештами, ввѣрилъ ему охраненіе всей дистанціи и обоихъ пунктовъ, а самъ отплылъ вверхъ по Дунаю съ Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Апшеронскимъ баталіономъ и шестью орудіями. Казаки и Астраханскіе карабинеры слѣдовали берегомъ. Не

(* Св. Георгія.

имѣя въ отрядѣ, ни снарядовъ, ни патроновъ, онъ долженъ былъ проходить съ своею флотиліею мимо турецкаго лагеря, верстъ 12-ть ниже Рущука расположеннаго, весьма этимъ озабочивался и писалъ: «Не знаю, какъ мнѣ пройти варварскій лагерь; въ баталію вступать, и особливо морскую, апетиту нѣтъ; ежели потребно, Ваше Сіятельство, мнѣ помогите».

Подвинувшись къ селенію Пруту, онъ послалъ другое письмо: «Обстоятельства Силистрійскія попеременившись, учинили большую инфлуенцію. Помнить надобно Букарестъ. Генерала Потемкина нѣтъ; надлежитъ чтобъ Обиленты пость мѣрно, а Нигоениты весьма, закрыты были скоро до времени. Такъ прикажите Ваше Сіятельство, чтобъ я уже со всею моею кучкою поворотилъ къ Нигоенитамъ, она не велика, человѣкъ сотня лучшихъ Астраханскаго пѣхотнаго молодцевъ по убыло, кромѣ больныхъ; да и по-обезсилили! Также надобно немножко вызкзерцировать — поразстроились! Новые Туртукайцы, хоть скучно, накопляться будутъ, то и диверсія; а будемъ смотрѣть какъ бы посѣчить. Не хочется на берегу стоять, пересѣкать коммуникацію съ Силистріею; а ежели будетъ очень грубо, и дойдетъ нужда, то какъ же быть? Вѣрьте! въ насъ Вашему Сіятельству прокъ не великъ, а во мнѣ и поготову; мнѣ надобно выздоровѣть; придетъ чахотка—не буду годиться. Только, Милостивый Государь, прикажите поскорѣе флотилію снимать, а я тягу дамъ на моей оставшей—хоть не велика, да пока будетъ! Въ Вашего Сіятельства благоволеніе препоручаю Козлова-Угренина съ тѣмъ, что бы сдѣлали съ нимъ милость, и, съ рапортомъ о произшествіи 18-го числа іюня, приказали отправить къ Фельдмаршалу его, а никого инаго.

Також препоручаю и прочихъ, и себя, остаюсь и проч.»

21-го іюня, полковникъ Поровъ, по приказанію генералъ-поручика Потемкина, отбылъ съ своимъ полкомъ и арнаутами въ Гуробалы, для прикрытія находившагося тамъ вагенбурга арміи, а Суворовъ возвратился въ устье Аржиша, и получилъ приказаніе пресѣчь коммуникацію Дунаемъ, и производить демонстрацію новой экспедиціи за Дунай, дабы нѣсколько отвлечь къ Туртукаю силы непріятеля отъ Силистріи. По этому случаю, отрядъ его расположился на берегу Дуная и приступлено къ построенію укрѣпленій и батарей.

Сосредоточеніе корпуса Потемкина на правой сторонѣ Дуная, во время движенія Нюмана Паши въ тылъ главнымъ силамъ, заставило возложить на Суворова охраненіе всего берега Дуная отъ Аржиша до Ликорештъ. Осмотрѣвъ новую свою дистанцію, онъ доносилъ, что съ его силами невозможно заградить вторженіе непріятелю во внутрь Валахіи на столь большемъ протяженіи кордона. Ему надобно было, въ одно и тоже время, имѣть отряды въ Ликорештахъ для загражденія пути къ Букаресту, въ Обилештахъ, какъ центральномъ пунктѣ всей дистанціи, и въ укрѣпленіи Негоештскомъ, куда непріятель могъ пробраться и сжечь флотилію. Но представленія эти не были уважены; вмѣсто усиленія отряда, ему приказано отправить всѣхъ рекрутъ въ Букарестъ, что его еще болѣе ослабило.

Оставаясь по прежнему въ лагерѣ при устьѣ Аржиша, Суворовъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своей флотиліи, довелъ ее до 101 судна всякой величины, под-

нимавшихъ 5,500 человѣкъ пѣхоты и 1,500 конницы, посылалъ партіи казаковъ на правую сторону Дуная, и суда для крейсированія по рѣкѣ.

Графъ Салтыковъ, чтобъ облегчить нѣсколько Суворова, озабоченнаго охраненіемъ берега Дуная отъ Аржиша доЛикорештъ и флотиліи, въ началѣ іюля взялъ къ себѣ въ Журжу большую часть оной, а ему оставилъ 31 судно.

7-го іюля послѣдовало новое росписаніе полковъ. Суворовъ назначенъ въ корпусъ Потемкина; всѣ войска его отряда, кромѣ двухъ Астраханскихъ полковъ, были отъ него взяты къ Салтыкову. Новое назначеніе было для него весьма непріятно и онъ писалъ: «Громъ ударилъ, мнѣ сего не воображалось ... Прошу инаго Ваше Сіятельство можете ли помочь? мнѣ бы только съ честью отсюда вытти. Всего основанія не знаю ... Больно! простите мнѣ Ваше Сіятельство, что я принужденъ былъ писать къ генералъ-поручику Потемкину о флотиліи и прочемъ, да и Вамъ объяснить. Жаль сіе для будущихъ послѣдствіи».

«Будетъ ли, по малой мѣрѣ, мнѣ желаемое награжденіе? (*) Не оставьте того, Милостивый Государь; бѣгать за лаврами, неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо коли съ честію и пользою! Наконецъ и то вытти можетъ, что не такъ, то такой какъ я, а что хорошо—то не я! Диспозиція мое экзекуторство, и проч.»,

---

(*) За кампаніи 1773 и 1774 годовъ Суворовъ награжденъ: чиномъ генералъ-поручика, вторымъ классомъ Св. Георгія и саблею алмазами украшенною.

Вскорѣ за расписаніемъ, графъ Салтыковъ приказалъ Астраханскому карабинерному полку прибыть къ нему въ Журжу. Суворовъ, имѣя приказаніе Потемкина удержать этотъ полкъ, пока на смѣну его не прибудутъ въ Нигоешты другія войска, писалъ Салтыкову, по сему случаю, послѣднее свое письмо 11-го іюля, которымъ прощался съ нимъ и благодарилъ за его къ нему милости. «Простите мнѣ, Ваше Сіятельство, что не могъ иного дѣлать. Завися уже отъ Григорія Александровича Потемкина, паче съ флотиліею, о которой свѣдѣніе вошло къ фельдмаршалу, надлежало ли мнѣ пещися и на само-малѣйшее время о всякой военной предосторожности. Между тѣмъ, почти сей часъ, Турки изъ трехъ пушекъ противъ насъ уже съ Туртукайской горы выстрѣлили. Отправляюсь отсюда къ фельдмаршалу. Беру я съ собою бывшихъ при мнѣ и опредѣленныхъ въ Астраханскій пѣхотный полкъ: прапорщика Пѣтухова, пребывавшихъ при моемъ обозѣ: одного сержанта и одного фельдшера, да на время же капитана Козлова. — Милости Вашего Сіятельства на всегда въ моей памяти. Въ оныя себя препоручаю и остаюсь съ совершеннымъ почитаніемъ и проч.»

9-го іюля, письмомъ отъ Главнокомандующаго, Суворовъ былъ вызванъ въ главную квартиру. 11-го, сдалъ команду надъ отрядомъ старшему по немъ подполковнику Алымову, и, въ тотъ же день, выѣхалъ изъ лагеря при устьѣ Аржиша, пославъ напередъ къ графу Румянцеву письмо слѣдующаго содержанія: «Вашего Высокографскаго Сіятельства милостивое письмо отъ 9-го іюля имѣлъ счастіе получить. Съ благодарнымъ чувствованіемъ цѣлости Вашихъ всегдашнихъ ко мнѣ милостей, отправляюсь я отсюда немедленно къ

Вашему Высокографскому Сіятельству. Препоручаю себя Высокому Вашему покровительству, остаюсь съ глубочайшимъ почитаніемъ, Сіятельнѣйшій Графъ, и проч.»

Дѣятельность Суворова, во все время пребыванія его на Нигоештскомъ посту, служила образцемъ для другихъ; кромѣ военныхъ дѣйствій, онъ съ одинаковымъ рвеніемъ занимался войсками, флотиліею и устройствомъ укрѣпленій. Предметомъ особенной его заботливости было образованіе рекрутъ и внутреннее благоустройство отряда. Въ письмахъ отъ 22 и 27-го іюня къ графу Салтыкову, Суворовъ говоритъ: «Карабинерамъ не ловко дѣйствовать со штыками. Мужики—рекруты г. Мелина хороши, не замайте, Ваше Сіятельство, у меня побудутъ, лучше научатся и жить будетъ нехуже!

«Капорская рекрутская команда ладна весьма; что будетъ въ полку; только бы ее тамъ поберегли отъ чудесъ! Астраханскаго пѣхотнаго, не велика; ее съ прочими въ полку тяжело опознать. Берегусь я, чтобъ такихъ изъ рекрутъ въ командированіяхъ не отдѣлять, а съ прочими наравнѣ. Что же по-больше командировки, то корпусцами ротными, капральствами, это масса, командиры ихъ при нихъ, и ребятокъ берегутъ, ибо знакомѣе на комъ взыскать; а Апшеронская команда у С. М. Теглева».

Даже Каменскій, не любившій Суворова, и, можетъ быть, часто напоминавшій Салтыкову о выраженіи Александра Васильевича: что онъ знаетъ практику, Каменскій тактику, а Салтыковъ не знаетъ, ни практики, ни тактики, отдалъ справедливость его трудамъ, въ письмѣ отъ 16-го іюня графу Салтыкову: «флотилія Александра Васильевича въ такомъ состояніи, что

я не воображалъ; онъ отослалъ матросовъ и капрала къ Миллеру; пришлите ихъ сего дня сюда. Я у него взялъ уже нѣсколько и блоковъ для поднятія парусовъ. Завтрашній день они еще много надѣлаютъ.

Негоешты также въ очень хорошемъ состояніи, и гора почти сровнена съ монастыремъ. Однимъ словомъ, Александръ Васильевичь очень много трудился!»

Два дня спустя, тотъ же Каменскій забавлялся на счетъ второй экспедиціи Суворова и бездѣйствія самаго Салтыкова: Je Vous félicite, en vérité, sur l'heureuse entreprise de M. Souvoroff. Vous avez donc aussi des nouvelles à rapporter—même des broderies, c'est a dire: des «grandes et petites!»

Надобно знать, что Каменскій одержалъ надъ непріятелемъ поверхность, въ тотъ же день 18-го іюня, на островахъ при Журжѣ, когда Суворовъ разбилъ вторично Турокъ на Туртукайской горѣ. Салтыковъ, съ своей стороны, постоянно не исполняя приказанія графа Румянцева на счетъ перехода за Дунай, не имѣлъ, конечно, ни о чемъ донесть Главнокомандующему. На это то обстоятельство Каменскій и намѣкаетъ.

Въ письмѣ своемъ отъ 10-го іюля, Каменскій еще менѣе щадитъ самолюбіе Салтыкова, и для остраго словца погрѣшаетъ предъ истиною, говоря, будто бы Суворовъ вошелъ въ сношенія съ Главнокомандующимъ, минуя Салтыкова: «M. Souvoroff n'est donc plus des nôtres. En vérité, j'en suis faché un peu pour Vous; cela doit Vous faire plaisir, car je ne sais qui de Vous deux commandait á Nigoesti, surtout, aprés les Rapports qu'il envoyait directement au Maréchal.»

Окончивъ обзоръ двухъ-мѣсячной дѣятельности Алек-

сандра Васильевича въ Пигоештахъ, не будетъ излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, на счетъ мнѣнія о немъ графа Румянцева, и о томъ, что отозваніе Суворова изъ Нигоештъ, съ тѣмъ, чтобы послать его въ Гирсовъ, служило явнымъ признакомъ вниманія къ нему Главнокомандующаго. Могъ ли Фельдмаршалъ довѣрить Суворову важный постъ, если бы онъ питалъ къ нему неудовольствіе, или считалъ его ослушнымъ своей волѣ?

Послѣ долгихъ словесныхъ совѣщаній съ Суворовымъ, Румянцевъ предписалъ ему, 4-го августа, принять въ командованіе Гирсовскій постъ; постъ этотъ, находясь на правой сторонѣ Дуная, былъ полезенъ, прежде какъ опорный пунктъ корпусу Вейсмана, и въ послѣдствіи, чтобы отвлекать вниманіе непріятеля и не дозволить ему обратить всѣ свои силы въ верхнюю Валахію.

Двукратное предъ тѣмъ нападеніе Турокъ на Гирсово удостовѣрило Главнокомандующаго, сколь много непріятель озабоченъ отнятіемъ у насъ сего поста.

Съ тою же цѣлію, то есть отвлекать Турокъ отъ верхней Валахіи, направленъ былъ, 3-го августа, отъ Измаила къ Бабадагу, генералъ-поручикъ баронъ Унгернъ. Ему приказано войти въ сношенія съ Суворовымъ и оставаться въ Бабадагѣ до того времени, пока армія не будетъ усилена, чтобъ снова, позднею осенью, перенести дѣйствія за Дунай.

Румянцевъ, во всѣхъ почти своихъ ордерахъ, называетъ Суворова искуснымъ и благоразумнымъ генераломъ. Въ ордерѣ отъ 4-го августа, онъ такъ выражается: «Видѣвъ образъ Вашихъ мыслей и свѣдѣнія, я предоставляю собственному Вашему искуству все, что

Вы, по усмотрѣнію Вашему, найдете нужнымъ на постѣ прибавить къ вящшей пользѣ. Сколько побудительное Ваше усердіе къ пользѣ службы открываетъ Вамъ путь къ успѣхамъ, Вы себя въ томъ довольно прославили. Надѣясь на сіе, и на искусство Ваше, я охраненіе и оборону сего нужнаго пункта предаю на собственное Ваше усмотрѣніе, и увѣренъ, что Вы воспользуетесь иногда случаемъ къ поиску надъ непріятелемъ. Изложивъ генеральные пункты, я остаюсь въ надеждѣ, что Вамъ, яко генералу, отличающемуся достоинствами военными, собственное благоразуміе будетъ во всякомъ разѣ лучшимъ руководителемъ».

5-го сентября, Румянцевъ писалъ Суворову: «За побѣду 3-го сентября, въ которой признаю искусство и храбрость предводителя, и мужественный подвигъ ввѣренныхъ Вамъ полковъ, воздайте похвалу и благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ.»

И такъ,—утвердительно можно сказать, что въ дѣйствіяхъ Суворова въ 1773-мъ году, не открывается ни одного факта, который могъ бы подтвердить сужденія біографовъ о преданіи его военному суду. Похвала и справедливое вниманіе къ заслугамъ постоянно выражаются въ сношеніяхъ Румянцева съ Суворовымъ, и отвергаютъ всякое порицаніе, наброшенное вымысломъ, какъ на одного такъ и на другаго.

Въ кампанію 1774-го года, встрѣчается, впрочемъ, одно обстоятельство, давшее поводъ Румянцеву негодовать на Суворова.

Каменскій и Суворовъ командовали тогда дивизіями, и посланы Фельдмаршаломъ къ Шумлѣ, одинъ отъ Измаила, другой отъ Гирсова. Суворовъ, будучи подчи-

невъ Каменскому, получилъ отъ него маршрутъ на соединеніе съ нимъ при Базарджикѣ. По маршруту, 28-е мая назначено днемъ выступленія. Суворовъ, по причинѣ неприбытія къ нему нѣкоторыхъ полковъ изъ первой дивизіи, не могъ начать марша ранѣе 30 числа. Выступивъ двумя днями позже, онъ, сверхъ того, отступилъ отъ маршрута, и пошелъ къ Базарджику другою дорогою, которую онъ находилъ болѣе удобною.

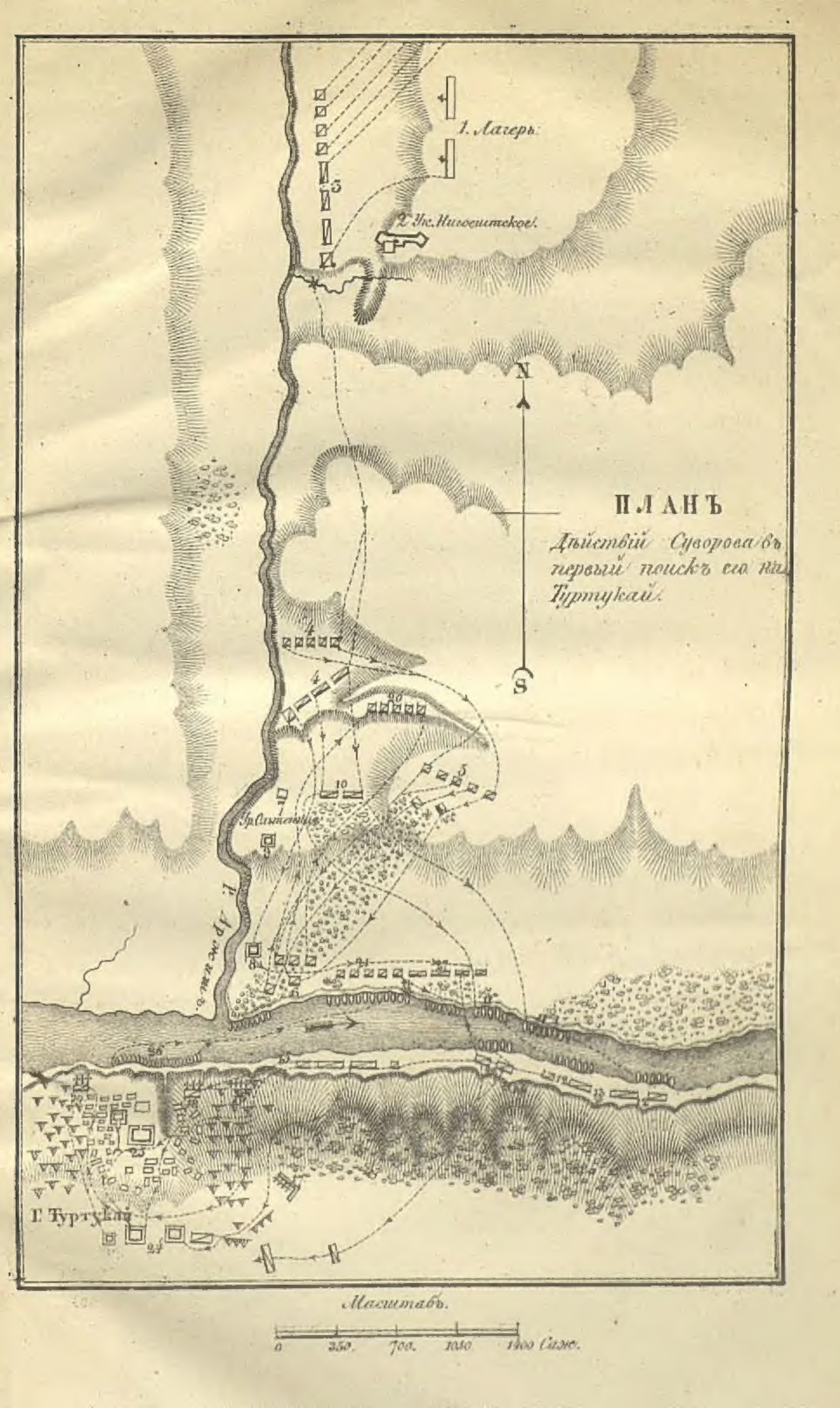
Объяснивъ Фельдмаршалу оба эти обстоятельства, Суворовъ не увѣдомилъ о томъ Каменскаго. Оскорбленный этимъ, Каменскій рапортовалъ графу Румянцеву, что Суворовъ не исполняетъ его приказанія, неизвѣстно гдѣ находится и поступаетъ такъ какъ бы онъ былъ независимъ отъ него.

Графъ Румянцевъ, пославши отыскать Суворова, ограничился съ своей стороны замѣчаніемъ Каменскому, что какъ начальникъ, онъ имѣетъ всѣ способы привести своего подчиненнаго къ повиновенію.

Этотъ случай былъ первымъ поводомъ къ несогласію двухъ начальниковъ. Козлуджинское сраженіе, въ которое Суворовъ вступилъ безъ позволенія Каменскаго, и еще до прибытія его разбилъ непріятеля, довершило ссору, въ слѣдствіе которой, Суворовъ, поруча командованіе дивизіею генералу Милорадовичу, уѣхалъ на другой день, подъ предлогомъ болѣзни, въ главную квартиру. Какъ ожидать должно было, Румянцевъ принялъ Суворова весьма не ласково и потребовалъ отъ него формальнаго объясненія въ томъ, какъ онъ рѣшился оставить порученный ему постъ, въ то время, когда онъ былъ командированъ противъ непріятеля. Какое далъ объясненіе Суворовъ — намъ

неизвѣстно; но въ двухъ ордерахъ графу Салтыкову, отъ 30-го іюня, Румянцевъ писалъ—въ первомъ: «Г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Суворовъ, уволенный отъ меня для излеченія болѣзни въ Букарестъ, по его отличному усердію и ревности къ службѣ Ея Императорскаго Величества, по полученіи облегченія, конечно захочетъ по прежнему вступить въ службу, которому во избѣжаніе излишняго въ переѣздахъ труда, я рекомендовалъ по способности явиться у Вашего Сіятельства, а Вы ему благоволите препоручить команду по своему благопризнанію.» Во второмъ: «Генералъ-поручику Суворову по прошенію, ради излеченія болѣзни, позволилъ я отъѣхать въ Россію. О чемъ Ваше Сіятельство изволите быть извѣстными и изъ команды своей его исключите.»

Былъ ли на этотъ разъ Суворовъ преданъ суду? Поѣхалъ ли онъ въ С. Петербургъ оправдывать себя предъ Императрицею, или Румянцевъ примирился съ нимъ совершенно — ничего нельзя сказать за неимѣніемъ данныхъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только открытіемъ документовъ, относящихся къ этому обстоятельству.

1. Лагерь.
2 Ук. Нигоештское.
N
S
ПЛАНЪ
Дѣйствій Суворова въ первый поискъ его на Туртукай.
р. Аржишъ
Г. Туртукай
Масштабъ.
0 350. 700. 1050. 1400 Саж.

2007059006